

Профессоръ Н. Н. Глубоковскій.

СВЯЩЕННИКЪ

Михаилъ Васильевичъ
Поповъ.

(† 1909, X, 20)

Некрологъ, надгробныя рѣчи, стихи и статья въ
память почившаго, а также два поученія послѣд-
няго о покойномъ его родителѣ.

Съ 7 портретами и 4 снимками.

Вологда.
Типографія Губернскаго Цѣвлевиз.
1910.

Кобьлярской Ильвинской
церкви Священник Михаил
Потови. 4 Февраля 1904 года

СВЯЩЕННИКЪ

Михаилъ Васильевичъ Поповъ.

(Некрологъ.)

Скончався вмалѣ

исполни тѣта дома:

Угодна бо бѣ Господевѣ душа его.

Прем. Солом. IV, 13—14.

Во вторникъ 23-й седмицы по Пятидесятницѣ, 20 октября сего 1909 года, въ 5 ч. 40 мин. по полудни скончался въ Мариинской больницѣ г. С.-Петербурга (на Литейномъ проспектѣ № 56) священникъ Кобыльской Ильинской церкви, Никольскаго уѣзда, Михаилъ Васильевичъ Поповъ. Это былъ достойный представитель православнаго пастырства, и память его должна сохраняться „во благословеніихъ“ въ назиданіе и подражаніе. Самъ болящій — скорбною рукой начертываю бѣглыя строки, чтобы запечатлѣть свѣтлый обликъ дорогаго племянника, почившаго о. Михаила.

Онъ родился 8 января 1859 года въ селѣ Кобыльскѣ Ильинскомъ (Никольскаго уѣзда, въ 22 верстахъ отъ почт. ст. Кичменгскій Городокъ, между городами Великимъ Устюгомъ и Никольскомъ) и былъ старшимъ въ родѣ своего отца, мѣстнаго священника Василія Михайловича Попова († 3 августа 1905 г.) и супруги его Анны Никаноровны, урожденной Глубоковской. Дѣтство его было не изъ легкихъ, потому что родители только еще начинали обзаводиться, а на рукахъ у нихъ была огромная семья сиротъ Глубоковскихъ вмѣстѣ съ матерью послѣднихъ. Однако образованіе шло правильно. Хорошо подготовленный дома, мальчикъ съ отличнымъ успѣхомъ прошелъ курсъ ученія въ Никольскомъ духовномъ училищѣ (1878—1883 г.г.) и затѣмъ въ Вологодской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ въ 1889 году 4-мъ студентомъ (изъ общаго количества 17-ти при наличности 57 вѣхъ воспитанниковъ того выпуска). Даровитый и благонастроенный юноша выдѣлялся съ выгодной стороны среди товарищей.

которые его любили и сами выдвигали впередъ, почему отъ имени ихъ онъ говорилъ на молебнѣ прощальную рѣчь при разставаніи съ семинаріей. Все открывало ему дорогу въ Академію, куда дѣлались въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя попытки, но промыслъ Божій уготовлялъ ему другое поприще—пастырскаго служенія¹⁾. Къ нему именно влеклась его душа, съ ранняго дѣтства воспитанная въ благоговѣйной религіозности, которая искала живого практическаго приложенія въ пастырскомъ дѣланіи, а проповѣдническій талантъ проникновеннаго учительства устремлялъ къ церковной каеедрѣ.²⁾

¹⁾ Были къ нему совершенно вѣшніе и случайные поводы, но о. Михаилъ усматривалъ въ нихъ особое указаніе. По словамъ его семинарскаго товарища Л. В. С., „когда онъ возвратился въ Вологду изъ Московской Академіи, то говорилъ: „миѣ и нельзя было бы оставаться въ Академіи,—трудно было бы учиться“. Это, кажется, могъ подумать только М. В. Поповъ, всегда точный и добросовѣстный, не допускавшій возможности не приготовить урока, отложить его на—время и т. п. Отнесся къ неудачѣ,—но разсказамъ другихъ,—совершенно спокойно, и видимо, что сказанное имъ послѣ нея было у него не фразой“. А внутренняя причина была въ томъ, что онъ душевно тяготѣлъ именно къ сельскому пастырству и поѣхалъ въ Академію неохотно, по чужому, не понавъ туда, возвратился къ своему взлелѣянному призванію.

²⁾ Одинъ изъ поэтичѣйшихъ семинарскихъ товарищей о. Михаила, выражая намъ горячую скорбь о преждевременной его кончинѣ, пишетъ слѣдующее: „Какъ товарищъ, полюбившій отличался мягкимъ отзывчивымъ характеромъ. Любовь къ пастырскому дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь, особенно проявилась въ немъ въ послѣдніе годы обученія въ семинаріи: учась въ 6-мъ классѣ, онъ почти каждый воскресный и праздничный день говорилъ проповѣди (большую часть печатныя) въ Благовѣщенской церкви г. Вологды“. Другой авторитетный семинарскій товарищъ сообщаетъ объ о. Михаилѣ, что „это былъ человекъ въ высшей степени исполнительный и трудолюбивый; всегда велъ записи объясненій учителей и обязательно переписывалъ ихъ наболю дома; у него никогда не существовало расчетовъ при подготовкѣ къ слѣдующему дню—спросить его, или нѣтъ; онъ всегда былъ одинаково готовъ къ отвѣту. Это отношеніе къ дѣлу исходило у него не изъ самолюбивыхъ побужденій, не изъ боязни провалиться въ глазахъ учителей, а изъ рѣзкаго-среди учениковъ сознанія долга,—долга ученика. Онъ одинаково былъ усерденъ и внимателенъ по всемъ предметамъ. Учителя знали это и,—когда нужно было привлечь къ работѣ обладавшаго наиболѣе точными знаніями,—спрашивали его. Товарищи, когда нужно было имѣть слова по языкамъ, записи объясненій по другимъ предметамъ и т. под., обращались тоже къ нему. Память у него была прекрасная; даты, хронологія, выдержки изъ образованія, заучиваемыя наизусть,—были его любимымъ дѣломъ. Онъ свободно цитировалъ наизусть правила апостольскія и соборныя, указывая къ каждому по порядку, всегда зналъ рекомендуемыя къ заучиванію проповѣди (въ родѣ „Наши Господа и крестъ“...)—иногда очень длинныя, а также выдержки изъ отцовъ (напр., св. І. Златоуста о священствѣ), изъ догматическихъ символовъ и вѣровѣдоженій и т. п. А нужно сказать, что мы заучивали всего этого слишкомъ много: однихъ проповѣдей,—помнится,—до 30 предлагалось намъ къ изученію наизусть. Среди товарищей М. В. Поповъ пользовался уваженіемъ, какъ всегда исправный и точный исполнитель заданнаго, у котораго въ случаѣ нужды можно было возмимствовать на еѣхъ все, что не исполнено самимъ дома“. Видимо, товарищи искренно любили о. Михаила, если сохранили свои чувства къ нему на протяжении послѣдующихъ 20-ти лѣтъ. Истѣ о его смерти вызвала среди нихъ самыя горячія сожалѣнія и трогательныя мнѣнія сердечнаго сочувствія роднымъ о. Михаилу.

Михаилъ Васильевичъ
Поповъ въ IV-мъ классѣ
Вологодской Духовной
Семинаріи. Снимался у
Раевского въ Вологдѣ
осенью 1886 года.

Михаилъ Васильевичъ Поповъ въ
V-мъ классѣ Вологодской Ду-
ховной Семинаріи вмѣстѣ со сво-
имъ младшимъ братомъ Никола-
емъ (тогда въ I классѣ Семинаріи,
нынѣ священникъ русскихъ церк-
вей въ г.г. По и Біарицѣ, на югѣ
Франціи). Снимались у Раевского
въ Вологдѣ весною 1888 года.

18 марта 1890 г. Мих. Вас. Поювъ—съ утверждения епископа Вологодскаго Израиля († 23 апрѣля 1893 г.)—былъ рукоположенъ епископомъ Великоустюжскимъ Іоанніемъ (Казанскимъ) во діакона къ Утмановской Ильинской церкви, гдѣ однимъ изъ священниковъ былъ своякъ покойнаго. о. Викторій Философовичъ Ржаницынъ, женатый на его сестрѣ Александрѣ Здѣсь вблизи (всего лишь въ 40 верстахъ) родины и среди родныхъ онъ служилъ больше 1½ лѣтъ. Діаконское положеніе не давало возможности отличиться, но тогдашній принопамятный епископъ Великоустюжскій Петръ (Лосевъ, † 30 марта 1902 г.) хорошо зналъ его по семинаріи, въ бытность свою ректоромъ послѣдней, и довѣрилъ молодымъ силамъ и одушевленной ревности о. Михаила трудное и ответственное порученіе. 3 ноября 1891 года онъ былъ рукоположенъ во священника и посланъ на другой конецъ Никольскаго уѣзда, къ Моломской Михайло-Архангельской церкви, въ 220 верстахъ отъ г. Никольска, къ границѣ Вятской губерніи. Это былъ совершенно новый приходъ, гдѣ все приходилось заводить и устроить съ самаго начала. Кромѣ необходимыхъ скудныхъ построекъ для причта, — въ наличности тамъ была собственно только одна церковь, освященная 9 іюня 1890 г., но и она не имѣла ни желательной прочности, ни надлежащаго благообразія какъ совнѣ, такъ и внутри. Обязательно было позаботиться о священномъ средоточіи новаго прихода—храмѣ Божиѣмъ, а прихожане уже понесли достаточно матеріальныхъ жертвъ и не расположены были къ дальнѣйшимъ, между тѣмъ сразу же почувствовалась надобность обременять ихъ и по церковно-школьнымъ потребностямъ. Настойчивость въ этомъ направленіи была сугубо тягостна, ибо матеріальныя отношенія прихожанъ къ причту были не вполне опредѣлены и, кажется, доселѣ не выяснены окончательно, а о. Михаилъ, при увеличивавшейся семьѣ, пужался въ средствахъ. На бѣду случилось большое несчастье: 4 марта 1892 г. сгорѣлъ до тла священническій домъ со всѣмъ имуществомъ, и самъ хозяинъ едва спасся живымъ со своимъ семействомъ чрезъ окно, изъ котораго вышибъ раму руками—съ большими поврежденіями послѣднихъ. При всемъ томъ молодой іерей не унывалъ ни духомъ, ни тѣломъ, и твердо шелъ по избранному имъ пастырскому пути. По словамъ прощальной рѣчи къ Моломскимъ прихожанамъ, „цѣлью его пастырской дѣятельности здѣсь были не корысть земная, не сребролюбіе и славолубіе, а желаніе быть

пастыремъ добрымъ, право правящимъ слово Божественной истины⁴. Эта ревность возбуждала сердца прихожанъ и вызвала душевное сочувствіе высшимъ стремленіямъ настоятеля. Такъ рождалась, развивалась и крѣпла живая взаимность пастыря съ паствою, а отсюда естественно являлась и готовность на матеріальныя жертвы для церковно-просвѣтительныхъ дѣлъ. И о. Михаилъ плодотворно воспользовался такимъ настроеніемъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на церковь, которая имѣла весьма убогий видъ, а его заботами настолько преобразилась, что — по выраженію благочиннаго свящ. П. А. Молявина — о. Михаилъ оставилъ Моломскій храмъ „благолѣпно устроеннымъ, сіяющимъ блескомъ, златомъ и великолѣпіемъ“. Такъ, въ 1894 г. деревянная тесовая крыша была замѣнена желѣзной и — вмѣсто деревянныхъ крестовъ — на главѣ церкви и шпигѣ колокольни были водружены массивные желѣзные позолоченные кресты; въ 1896 г. церковь обита тесомъ и окрашена бѣлою краской, затѣмъ обнесена красивою деревянною оградой съ большими воротами съ сѣверной стороны; 7 ноября 1899 г. былъ поднятъ новый благозвучный колоколъ въ 61 пуд. 1 ф. Внутри всѣ стѣны и потолокъ оштукатурены и отбѣлены, иконостасъ, дотошъ бѣдно окрашенный въ желтую краску, былъ позолоченъ (въ 1899 г.), а прежнія иконы работы неискускаго живописца уступили мѣсто художественно написаннымъ новымъ, которыя распределены въ лучшемъ порядкѣ (въ 1900 г.); потолокъ и стѣны алтаря церкви и трапезы были украшены большими и малыми желѣзными клеймами съ живописными священными изображеніями (въ 1901 г.). Церковная утварь и ризница приумножились и обогатились довольно цѣнными пріобрѣтеніями.

Но для о. Михаила храмъ былъ средоточіемъ прихода для молитвы и богообщенія, почему внѣшнее благоустройство только способствовало и помогало внутреннему христіанскому созиданію. Въ этомъ отношеніи о. Михаилъ дѣйствовалъ особенно усѣбно путемъ церковныхъ служеній; обладая пріятнымъ и сильнымъ баритономъ, онъ всегда совершалъ ихъ благолѣпно, съ благочинною истовостію и одушевленнымъ подъяемъ и оставлялъ въ молящихся возвышающее впечатлѣніе.⁵) Поистинѣ, были умирительныя служенія почи-

⁴) Компенсатный товарищъ о. Михаила пишетъ намъ, что „любовь къ пастырскому дѣлу онъ доказалъ своею службой въ двухъ приходахъ Никольскаго уѣзда: по отъѣзду знавшихъ его за это время лицъ, онъ былъ строгимъ ревнителемъ церковнаго устава; богослуженіе въ воскресные и праздничные дни не рѣдко кончалось у него около 3-хъ часовъ по полудни“.

Моломская Михайло-Архангельская церковь въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Впереди преемникъ о. Михаила священникъ Н. І. Ржаницынъ.
По фотографическому снимку Н. Головина отъ августа 1902 года.

шаго, а заукоинные парастасы, которые столь сильно любилъ и такъ искусно исполнялъ почившій, невольно улаждали всякую болѣзную душу и растворяли земную скорбь небесною радостію свѣтлыхъ христіанскихъ унованій. Къ сему присоединялось, что церковное учительство имѣло въ лицѣ о. Михаила достойнаго выразителя. Обыкновенно крайне сдержанный на слова и мало разговорчивый, почти молчаливый, и всегда какъ будто самоуглубленный, — онъ обладалъ хорошимъ даромъ свободной, простой и убѣдительной рѣчи. Въ ней не было намѣренныхъ манерности и вышнихъ эффектовъ, но она непринужденно текла съ рѣдкой и спокойною плавностію, отличалась ясностію и стройностію мысли и была проникнута трогательностію его благоговѣйной души, устремленной къ Богу. Покойный не оставлялъ безъ такого назиданія ни одной литургіи за всю свою пастырскую жизнь и говорилъ поученія даже при неожиданныхъ служеніяхъ, напр., въ своемъ родномъ Кобыльскѣ, гдѣ онъ долженъ былъ замѣнить своего отца лѣтомъ 1901 г., когда пріѣхалъ на нѣсколько дней навѣстить близкихъ родственниковъ. Говорилъ о. Михаилъ всегда наизусть и въ импровизаціяхъ достигъ большого успѣха. ⁴⁾

Этимъ, однако, нельзя было ограничиться въ пастырскихъ заботахъ. Требовалось принять мѣры къ тому, чтобы церковные уроки удерживались и закрѣплялись въ душахъ молящихся, а церковныя начала проникали всю ихъ жизнь. Съ этою цѣлію о. Михаилъ усердно старался о развитіи церковно-школьнаго дѣла и уже 20 сентября 1892 г. открылъ занятія сначала въ крестьянской избѣ ближайшей деревни Шадрихи; чрезъ годъ для школы было готово на самомъ погостѣ собственное зданіе, которое было вполне приспособлено и обставлено, а въ 1900 г. былъ построенъ по близости школьный пріютъ съ 2 комнатами для учащихся и двумя — для квартиры учительницы. Все это обязано исключительно о. Михаилу; который приносилъ и немало личныхъ матеріальныхъ жертвъ, покупая на свои средства всякія пособія, бумагу, карандаши, перья и т. д. Успѣхи въ этой области были весьма значительные, — и въ школьномъ журналѣ мы читаемъ самыя лестныя аттестаціи о. законоучителя какъ начальствующихъ лицъ, такъ и почетныхъ посѣтителей ⁵⁾.

⁴⁾ Своихъ проповѣдей о. Михаилъ обыкновенно не записывалъ, однако за Моломскій періодъ обработалъ для печати до 60 поученій и хотѣлъ издать въ особомъ сборникѣ, но усиленные заботы по переходѣ на Кобыльскій приходъ помѣшали своевременно исполненію этого намѣренія.

⁵⁾ Семинарскій товарищъ о. Михаила тоже свидѣтельствуетъ, что „съ горячей любовью относился покойный и къ школьному дѣлу“.

Всюду о. Михаилъ работалъ при живомъ соучастіи прихожанъ и при посредствѣ приходскаго попечительства, которое онъ умѣло организовалъ и направлялъ, какъ предсѣдатель, изыскивая для него доходы устройствомъ на погостѣ амбаровъ и лавокъ. Настойчиво боролся о. Михаилъ съ пороками и суевѣріями и усердно насаждалъ трезвость, заводя соответствующіи общества на удобныхъ условіяхъ.

Такъ онъ подвизался на Моломѣ больше десяти лѣтъ и вездѣ оставлялъ благіе плоды трудовъ своихъ. По словамъ мѣстнаго лѣтописца, „все, что мы видимъ нынѣ (въ 1902 году) въ селѣ Моломской Михайло Архангельской церкви, напоминаетъ о заботахъ, усердіи, настойчивости, терпѣніи о. Михаила, вмѣстѣ свидѣтельствуя о великой любви его къ церковному благолѣнію и преданности интересамъ вѣренной ему паствы“. Личныя качества почившаго способствовали успѣху ⁶⁾, ибо, „имѣя мягкій, добрый характеръ, онъ не отказывалъ своимъ прихожанамъ и въ матеріальной помощи, удѣляя нуждающимся изъ своихъ домашнихъ сбереженій зерно, хлѣбъ, деньги; отличаясь неистощимымъ радушіемъ и гостепріимствомъ, онъ всякому проходящему мимо страннику давалъ въ своемъ домѣ пріютъ“ ⁷⁾.

О. Михаилъ, создавъ Моломскій приходъ, всею душою сроднился съ нимъ, гдѣ все устроено имъ съ пожертвованіемъ лучшихъ силъ, при чемъ, напр., школа всегда была для него „любимымъ дѣтищемъ“. Онъ никогда не помышлялъ переходить на другое мѣсто, хотя бы самое лучшее, и покинулъ Молому вопреки своей волѣ, единственно изъ послушанія родителю, чтобы быть преемникомъ его пастырскаго служенія на родинѣ и мо-

⁶⁾ Не даромъ одинъ родственникъ писалъ другому по поводу смерти „дорогого и симпатичнаго“ о. Михаила, что онъ „соединялъ въ своемъ лицѣ, кажется, всѣ лучшія качества двухъ фамилій“...

⁷⁾ Напр., вотъ что пишутъ намъ по этому предмету: „Какъ человекъ, о. Михаилъ отличался замѣчательнымъ добродушіемъ и незлобіемъ, не любилъ дурно отзываться о комъ-нибудь изъ злословить. Въ обществѣ больше молчалъ и только поддакивалъ, да улыбался разговаривающимъ. Гостепріимства былъ абсолютно рѣдкаго Радъ былъ всякимъ гостямъ, во всякое время и всѣхъ угощалъ самымъ наирадушнѣйшимъ образомъ. Такъ, въ Моломѣ былъ обычай, что даже всякій почтальонъ (—о другихъ, болѣе важныхъ лицахъ, земскомъ начальникѣ, врачахъ, станомъ приставѣ, членахъ управы и говоритъ нечего), когда бы ни проѣзжалъ, всегда останавливался у о. Михаила отдохнуть, закусить и подкрѣпиться, но иногда изъ-за непогоды или по другимъ причинамъ приходилось запаздывать: въ такихъ случаяхъ на столѣ у о. Михаила приготавлились и выставлялись закуски, а домъ не запирался, и почтальонъ спокойно шелъ туда хотя бы въ 2—3 часа ночи, угощался одинъ, оставлялъ и забиралъ корреспонденцію, а затѣмъ—подкрѣпленный, обогрѣтый и отдохнувшій уѣзжалъ далѣе, даже не выдавъ ховякъ, которые спали“.

литвенникомъ на могилахъ своихъ предковъ⁸⁾. 5 сентября 1902 года о. Михаилъ былъ назначенъ священникомъ къ родной Кобыльской Ильинской церкви и долженъ былъ разстаться съ дорогимъ ему Моломскимъ приходомъ. Теперь съ особою яркостью сказалась великая взаимная любовь пастыря съ пасомыми и съ окружающимъ духовенствомъ. Прихожане нарочитымъ приговоромъ на сходѣ 17 октября 1902 г. выразили о. Михаилу „сердечную благодарность за всѣ его услуги, труды и заботы по устройству и украшенію приходской Моломской Михайло-Архангельской церкви, по устройству церковно-приходской школы и при ней пріюта и другихъ прислужныхъ попечительскихъ строгій“, „за всѣ его услуги по религіозно-правственному образованію прхода и содержанію общества трезвости, а также за сердечное, простое, безвозмездное обращеніе и наставленіе прихожанъ въ хозяйственно-матеріальномъ отношеніи, во все время служенія въ приходѣ“. Приговоръ этотъ врученъ о. Михаилу чрезъ земскаго начальника и представленъ въ копіи епископу Великоустюжскому. Благочинный срящ. П. А. Молявинъ на прощальной рѣчи своего собрата написалъ советамъ не обычную резолюцію: „съ грустію и тоскою на сердцѣ расстаюсь съ вами, о. Михаилъ Васильевичъ, теряя въ васъ добраго товарища и вѣрнаго сотрудника въ моихъ дѣлахъ. Да будетъ путь вашъ и трудъ на новой нивѣ благословенъ отъ Бога!“ 8 октября 1902 года состоялось послѣднее богослуженіе о. Михаила въ Моломскомъ храмѣ при огромномъ стеченіи народа, къ которому онъ обратился съ трогательнымъ и назидательнымъ словомъ „по праву отца, оставляющаго своихъ дѣтей навсегда“. При этомъ вся церковь буквально рыдала, а самъ проповѣдникъ съ трудомъ могъ произносить свою рѣчь, заглушаемый жгучими слезами. Приходъ дѣйствительно провожалъ отца, но хранилъ его завѣты..⁹⁾ Благочинный отъ лица окружнаго духовенства за богослуженіемъ торжественно засвидѣтельствовалъ братскія чувства рас-

⁸⁾ И, дѣйствительно, память умершихъ родственниковъ о. Михаилъ считалъ святою и благоговѣнно, а къ живымъ всегда относился съ трогательною любовію и старался вездѣ проявлять ее самымъ дѣломъ, но не словомъ только. Онъ завелъ отдѣльную поминальную книгу живыхъ и почившихъ родичей и установилъ особые ежегодные дни для богослужебныхъ поминовень, на какой предметъ образованъ при Кобыльской Ильинской церкви специальный капиталъ.

⁹⁾ Такъ, Моломскіе прихожане дали на 12 дѣтъ приговоръ собирать съ каждой ревизской души по 1 рублю на постройку новаго каменнаго храма.

положенія и почтенія, а на прощальномъ обѣдѣ это выражалось всеми участниками въ самой душевной формѣ.¹⁰⁾

Нанутствуемый благословеніями и благожеланіями, о. Михайлъ отбылъ къ новому мѣсту служенія въ село Кобыльскъ—Ильинскій, гдѣ вступилъ въ должность священника Кобыльской Ильинской церкви богослуженіемъ 20 октября 1902 года, обратившись къ своимъ новымъ духовнымъ чадамъ съ евангельскимъ привѣтствіемъ (Іоан. XX, 21): „миръ вамъ“. Отозванный съ Моломы не матеріальными расчетами, не трудностію и многосложностію заботъ пастырскихъ,—о. Михайлъ и въ Кобыльскѣ продолжалъ трудиться въ прежнемъ духѣ. Во вступительной рѣчи о пастырскихъ задачахъ, своихъ воззрѣніяхъ и планахъ онъ говорилъ слѣдующимъ образомъ: „Да будетъ вамъ извѣстно, что мы—пастыри ваши—обязаны, по заповѣди Апостола, учить, священнодѣйствовать и управлять. Въ отношеніи учительства я твердо помню насажденія Спасителя—*шедше научите вся языки*—и 19 правило 6 Вселенскаго Собора, а потому постараюсь быть учителемъ Божественной истины *нелѣпнымъ* и по разуму отцовъ Церкви. Васъ-же прошу не только со вниманіемъ относиться къ слушанію Слова Божія и къ всѣмъ богослужебнымъ соборбодованіямъ между утреней и обѣдней, но приглашаю къ нелѣпному домашнему чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и особенно святой Библии. Священнодѣйствовать и управлять я намѣренъ по подражанію родителю своему: я люблю, хочу и долженъ, чтобы богослуженіе всегда совершалось благообразно и по чину, съ должнымъ благолѣпіемъ. Въ дѣлѣ управления я тоже желаю быть для васъ пастыремъ не думъ только, но и тѣлѣсь, *быть образомъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV 12), и служить вамъ, сколько могу, и матеріально... Взаимная любовь, кротость и смиреніе да царятъ между нами, страхъ Божій и благочестіе да будутъ спутниками нашей жизни, да проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 2). Прошу и желаю, да будетъ мое служеніе среди васъ, насколько это отъ насъ зависитъ, *въ радость и похваленіе мнѣ* въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, а не *въ печаль и вздыханіе* (1 Фессал. II,

¹⁰⁾ О Моломскомъ періодѣ см. въ книгѣ: „Моломскія Михайло-Архангельская церковь Вологодской губ. Никольскаго у. за первый пятидесятилѣтній періодъ ея существованія (1889—1901 г.г.)“. Составлено на основаніи церковной летописи, кнѣжныхъ вѣдомостей и другихъ документовъ. Съ 3 портретами и 7 снимками. С.-Петербургъ 1901“.

Домъ о. Михаила Васильевича Попова съ юго-западной стороны; нѣтъ большой флигель для его матери, церковная сторожка, Кобыльско-Ильинская церковь и церковно-приходская школа.
По фотографическому снимку Н. Головина отъ понедѣльника 17-го юня 1902 года.

19). Ваше спасеніе есть мое спасеніе и блаженство; ваша гибель грозитъ мнѣ гибелью. Пастыри и пасомые, — вы и я, — суть члены одного духовнаго тѣла, глава котораго Христосъ, верховный Пастырь всѣхъ, а потому прошу васъ, возлюбленные, не переставайте и дома и въ церкви молиться другъ за друга. Станемъ молиться-вы обо мнѣ немощномъ, а я о васъ, чтобы Господь Богъ Своєю Божественною благодатію утвердилъ между нами полную любовь и единодушіе. Будемъ просить Господа, да поможетъ Онъ мнѣ Своєю всемошною благодатію привести васъ ко спасенію и вѣчному блаженству, возвращая всѣхъ васъ и укрѣпляя въ вѣрѣ и благочестіи“.

Съ такими стремленіями Михайлъ Васильевичъ вступилъ въ новый періодъ своего пастырства. Ему пришлось продолжать дѣло отца, а тутъ трудность заключалась въ томъ, что здѣсь задача высокою была по самому существу. Почтенный отецъ его, свѣщ. Василій Михайловичъ Поповъ былъ выдающимся пастыремъ и въ своемъ округѣ имѣлъ огромную славу и великій авторитетъ ¹¹⁾. Преемникъ вынуждался сразу же вести самую интенсивную работу, начало которой было совершено безъ него и иногда, можетъ быть, не по нему, Надо было войти душевно въ чужой трудъ, чтобы своими новшествами не нарушить добрыхъ начинаній и какъ-нибудь не затронуть естественную мнительность чтимаго родителя. Создавалось положеніе, психологически трудное вдвойнѣ, — и все дѣло усложнялось въ такихъ интимныхъ сторонахъ, гдѣ всякія препятствія бываютъ упорнѣе и всего медленнѣе устраняются, потому что находятся въ самихъ людяхъ и исчезаютъ только вмѣстѣ съ ними... Правда, на первыхъ порахъ Михайлъ Васильевичъ располагалъ совѣтомъ и опытомъ своего здравствовавшего отца, но это требовало отъ него большаго, деликатной и напряженной выдержки, потому что онъ все-таки не хотѣлъ и не могъ оставаться простымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній, а желалъ быть отвѣтственнымъ пастыремъ по долгу службы и по влеченію сердца.. Сколько тогда было у почившаго тяжелыхъ внутреннихъ коллизій и мучительныхъ душевныхъ бореній — даже прежде, чѣмъ онъ рѣшался на извѣстный шагъ и принималъ тѣ или инныя пастырскія мѣры?!. У него вѣдь были свои выработанные навыки, нор-

¹¹⁾ См. о немъ книгу: „Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря. Юбилей тридцатипятилѣтняго служенія въ санѣ священника Василія Михайловича Попова 19-го февраля 1902 года. Съ 2-мя портретами и 3-мя снимками. С.-Петербургъ 1902“. Здѣсь немало данныхъ и для біографіи о. Михаила. Въ приложеніи помѣщены двѣ рѣчи здравствовавшего тогда

мы и правила, между тѣмъ надо было сообразоваться съ другимъ установившимся укладомъ, не поступаясь въ необходимомъ своимъ методомъ и не обезличиваясь до потери авторитета. Искренняя почтительность и глубокой тактъ сына при мудрости и самообладаніи отца умѣли находить примиреніе и сглаживать шероховатости на пути пастырскаго служенія. Но 3 августа 1905 года (въ среду) Василій Михайловичъ скончался, — и отнынѣ о. Михаилъ оказался одинъ. Конечно, ему стало теперь свободнѣе, за-то самое пастырское дѣло продолжало сохранять многія свойства чужого вдохновенія и не было всецѣльнымъ личнымъ его созданіемъ, какимъ оно являлось на Моломѣ, а о. Михаилъ избѣгалъ вносить крутыя и рѣзкія измѣненія, чтобы не разстроить всей работы.

Въ дальнѣйшемъ мы и видимъ его искуснымъ труженикомъ, при чемъ онъ развивалъ наслѣдіе предшественника, постепенно внося свои улучшенія и обновления, которыми достигъ огромнаго успѣха ¹²⁾. По прежнему о. Михаилъ былъ великимъ радѣтелемъ своего родового храма, благоговѣйнымъ и величавымъ совершителемъ службъ церковныхъ, не пропущенныхъ имъ ни разу, неослабнымъ и назидательнымъ проповѣдникомъ, которому съ любовью внимали прихожане, тѣсясь около церковной кафедры, откуда за каждою литургіей раздавалось его учительное слово, а въ зимнее время между утренею и литургіей всегда велъ внѣбогослужебныя собесѣдованія, сопровождавшіяся общимъ пѣніемъ собиравшагося народа. Въ пастырско-приходскомъ дѣлѣ для о. Михаила все было одинаково важно, и онъ спѣшилъ на каждую потребу немедленно, не смотря на время года, дня или ночи, и нимало не соображаясь съ личными удобствами, а нужно замѣтить, что Кобыльскіе прихожане всѣ требы (кромя брако-

сына о почившемъ отцѣ — для характеристики дѣятельности второго и проповѣдничества первого.

¹²⁾ Это настолько несомнѣнно, что сразу бросалось въ глаза даже постороннимъ наблюдателямъ. Такъ, протоіерей І. И. Тихомировъ, познакомившись съ книжками о юбилеѣ о. Вас. Мих. Опоза и о Моломской церкви, писалъ намъ 9 ноября 1909 г. слѣдующее: „Вѣчная память и отцу и сыну, столь добрымъ подвигомъ подвизавшимся на нивѣ Господней! Вѣчный покой и царство небесное этимъ усерднымъ радѣтелямъ духовнаго просвѣщенія вѣрнопочинъ имъ душъ! Нести на своихъ исключительно плечахъ десятки лѣтъ дѣло настырскаго воспитанія и школьнаго образованія прихожанъ, образовывать изъ ничтожества, въ трущобной глуши, благоустроенный приходъ — все это есть дѣло великое, многотрудное и посильное только такимъ людямъ, которые во все время своей дѣятельности твердо вѣрятъ, что *аще не Господь соизвождеть... и христитъ... все трудящася зисходити... и бѣт стрей*. Благодарю за присылку книжекъ, давшихъ мнѣ возможность близко познакомиться съ приснопамятными служителями Божиими, съ которыми буду пребывать въ молитвенномъ общеніи“.

Ильинская церковь въ селѣ Кобыльскомъ (на рѣкѣ Югу) Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи, съ юго-восточной стороны; за алтаремъ погребены о. Василій Михайловичъ и о. Михаилъ Васильевичъ Поповы (рядомъ), а немного дальше къ юго-востоку теща Платонида Матвѣевна Глубоковская (урожденная Ивановская).

По фотографическому снимку Н. Головина отъ пошедьльника 17-го Іюня 1902 года.

въначалій и отпѣваній) привыкли совершать исключительно у себя по домамъ... И вотъ о. Михаилъ, едва вернувшись изъ одного отдаленнаго мѣста, глубокою ночью сейчасъ же устремлялся въ другое, осенью или раннею весной при тамошней распутицѣ часто рисковалъ, но по нуждѣ иногда ходилъ чуть не по колѣни въ водѣ, отъ чего давно простудилъ ноги и схватилъ ревматизмъ. Въ этомъ отношеніи покойный не щадилъ здоровья, работая надъ устроеніемъ своего прихода всѣми путями и средствами. Такъ, онъ учредилъ бесплатную народную библіотеку, куда ежегодно выписывалъ разныхъ изданій на 40—50 рублей, и чуть-ли не первымъ во всей епархіи ввелъ добрый обычай, дарить крещаемымъ наклеенные на картонъ образки съ изображеніемъ соотвѣствующихъ святыхъ и краткими житіями послѣднихъ на оборотѣ. Въ своихъ пастырскихъ трудахъ о. Михаилъ былъ неутомимъ, не признавалъ для себя болѣзней и всегда работалъ съ обычною спокойною энергіей, если не сваливался съ ногъ отъ изнеможенія и истощенія. Тутъ самая сила была для него искушеніемъ. Средняго роста, плотный и коренастый корпусомъ, темный шапенъ съ широкимъ открытымъ лицомъ и яснымъ взглядомъ,—онъ, по отзыву Петербургскихъ докторовъ, обладалъ колоссальнымъ организмомъ и, ведя умѣренный, русски-радушный для всѣхъ и простой образъ жизни, легко справлялся съ обычными болѣзнями и даже тифы вынашивалъ на ногахъ, продолжая исполнять всѣ пастырскія обязанности. Въ ряду послѣднихъ о. Михаилъ съ особеннымъ рвеніемъ отдавался церковно-школьному служенію, почитая его необходимою частію церковнаго дѣланія настолько, что веснами иногда переходилъ за рѣку Югъ прямо по водѣ, чтобы понасть на свои уроки въ Митенево-Горское училище. Мѣстная церковно-приходская школа получила при немъ широкое развитіе и достигла большихъ успѣховъ, которые съ рѣдкимъ единолушіемъ удостоверяются всѣми официальными свидѣтельствами¹³⁾. Зданіе было обновлено и расширено, достаточно снабжено учебниками и всякими вспомогательными пособіями; устроенъ въ большомъ деревянномъ домѣ от-

¹³⁾ Это видно и по числу успѣшно кончавшихъ здѣсь съ аттестатами, хотя испытанія часто производились экзаменаціонными комиссіями при крайне неудобныхъ условіяхъ. Въ числѣ официальныхъ документовъ можно сослаться на хранящіеся въ статистическомъ отдѣлѣ Училищнаго Совѣта въ С.-Петербургѣ отчеты Вологодскаго Епархіальнаго Наблюдателя, гдѣ имѣются прекрасные отзывы и о Кобыльской школѣ и объ о. Михаилѣ, какъ опытномъ законоучителѣ и завѣдующемъ, при чемъ восхваляется и хорошая постановка пѣнія.

дѣльный пріютъ съ помѣщеніями для дѣтей и для учительницы, при чемъ для первыхъ варилась похлебка. Заботливо охранялась тѣсная связь школы съ церковію путемъ организаціи систематическаго участія учениковъ въ чтеніи и пѣніи за богослуженіями. Нѣкоторыя деревни отстоятъ далеко отъ погоста и часть была отрѣзана рѣкою Югомъ. Въ виду сего о. Михайлъ—помимо школъ грамоты—устроилъ еще при деревнѣ Митенева Гора особую школу. Много было тутъ тяжелыхъ трудовъ и личныхъ матеріальныхъ жертвъ, но о. Михайлъ преданно любилъ свое дѣтище, никогда не пропускалъ уроковъ, охотно ѣздилъ туда за 5 верстъ для завѣдыванія и законоучительства при всякой погодѣ, когда никто другой не рѣшался отправиться „за рѣку“, и продолжалъ нести обязанности уже послѣ того, какъ эта школа (въ августѣ 1908 г.) отошла къ Никольскому земству не совѣтъ прямыми путями и къ великому душевному огорченію почившаго, котораго свои не поддерживали своевременно, а потомъ еще пытались взыскать обратно данные нѣкогда 50 руб., хотя справедливѣе было бы вознаграждать его за особую ревность и немалыя матеріальныя потери.. Школьное дѣло было для о. Михаила излюбленнымъ, служило для него источникомъ душевныхъ печалей и чистыхъ радостей,—и онъ, самъ жертвуя отъ своихъ средствъ, привлекалъ къ нему всѣхъ полезныхъ лицъ. Такъ, только по его участію принялъ на себя званіе попечителя церковно-приходскихъ школъ Кобыльскаго прихода дядя о. Михаила, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій, который, очевидно, былъ полезенъ, если и Никольское земство постаралось удержать его въ этой должности для отобранной Митенево-Горской школы... Ими обоими совмѣстно были приняты дѣйствительныя реальныя мѣры къ обезпеченію просвѣтительно-церковныхъ усилій въ Кобыльскихъ школахъ,—и будетъ очень жаль, если нарушится доброе фамиліное преемство, а появленіе новыхъ людей пріостановитъ дальнѣйшее развитіе церковно-школьныхъ начинаній, зарождавшихся и крѣпшихъ на почвѣ родственнаго довѣрія... Взячески заботясь о воспитаніи добрыхъ нравовъ и устраненіи пороковъ среди прихожанъ, о. Михайлъ энергично насаждалъ трезвенность и въ интересахъ просвѣщенія очень много заботился о церковной библіотекѣ, которая постоянно обогащалась вкладами личными и другихъ (особенно проф. Н. Н. Глубоковскаго). Туда же покойный завѣщалъ и всю свою собственную цѣнную библіотеку.

Домъ о. Михаила Васильевича Попова въ селѣ Кобыльскомъ съ западной стороны; предъ домомъ слѣва младшій (въ семьѣ) братъ его Александръ (сидитъ), родитель ихъ—о. Василій Михайловичъ Поповъ, мать Анна Никаноровна и др., а сзади малый флигель и садъ.

По фотографическому снимку Н. Головина отъ поведѣльника 17-го іюля 1902 года.

Мягкій по характеру и незлобивый, онъ покорялъ и обезоруживалъ самымъ своимъ благодушiемъ и неисчерпаемою доброжелательностiю. Доступный и ласковый со всѣми,—о. Михаилъ не измѣнялъ своему настроенiю при самыхъ тяжелыхъ испытанiяхъ. Крестыяне иногда были не прочь воспользоваться этою мягкостiю въ своихъ выгодахъ и стѣсняли свой причѣтъ матеріально, ограничивая вознагражденiя, отнимая самые необходимые выгоны и т. п., а нѣкоторые занялись даже спеціальными доносами по начальству,—и послѣднее, къ сожалѣнiю, не всегда осмотнительно довѣряло такимъ тенденціознымъ кляузамъ... О. Михаилъ все сносилъ съ незлобивымъ терпѣнiемъ. Особенно трудно было ему въ тяжелые годы смуты, когда пропаганда забралась въ эти далекіе края и подняла здѣсь темныя силы невѣжества и озлобленiя, при чемъ всѣ деревни разсыпались бесплатными „освободительными“ изданiями. О. Михаилъ былъ совершенно одинокъ, не находя себѣ поддержки даже въ ближайшихъ своихъ помощникахъ, державшихъ себя дипломатично или нисколько ему несочувствовавшихъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался непоколебимъ и твердо выдержалъ ужасный натискъ деревенской анархiи, не уступивъ ни на шагъ въ своемъ великомъ служенiи пастыря Христова и русскаго гражданина патріота, хотя это больше всего внутренне истощало его. Для него утѣшенiемъ было самое дѣло и умственный трудъ любознательнаго человѣка, который всѣмъ интересовался съ неослабнымъ вниманiемъ и обладалъ большими духовными прiобрѣтенiями въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Среди собратьевъ почившій пользовался въ своемъ округѣ рѣдкою любовію и большимъ уваженiемъ за свой свѣтлый умъ, добрый характеръ и пастырскій авторитетъ; его голосъ всегда имѣлъ особый вѣсъ на всѣхъ пастырскихъ собранiяхъ, а его уравновѣшенной опытности довѣрялись самыя тревожныя и запутанныя дѣла, напр., слѣдственнаго характера.¹⁴⁾ Не даромъ же

14) Такъ, о. Михаилъ нѣсколько разъ подъ --рядъ избирался депутатомъ по слѣдственнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Эта должностъ была особо трудною, ибо приходилось судить своихъ же собратьевъ и разоблачать темныя стороны, погружаясь въ разныя дразги, не говоря о томъ, что поглощалась масса времени и немало средствъ. Въ примѣръ энергiи и независимости о. Михаила упомянемъ, что еще въ 1909 г. онъ долженъ былъ ѣхать великимъ постомъ за 160 верстъ въ Ламеыгу и разбирать жалобу въ Св. Синодъ 412 человѣкъ прихода на священника и благочиннаго. Потрачено было цѣлыхъ двѣ недѣли самаго дорогаго времени, но о. Михаилъ не пожалѣлъ силъ, чтобы изслѣдовать до корня, и въ огромномъ представленiи отъ 20 марта на 50 листахъ не побоялся мужественно разоблачить что тутъ была лишь „кляуза озлобленныхъ революціонеровъ“.

ближайшее духовенство проводило покойнаго въ могилу съ такою величественною и трогательною торжественностію.

Такъ, въ молигѣ, ученіи и трулѣ жилъ о. Михаилъ въ Кобыльскѣ, работая для Бога, но не находя и не ища внѣшнихъ отличій¹⁵⁾. По всему думалось, что ему предлежало долгое жизненное поприще, ибо здоровье его казалось несокрушимымъ и, дѣйствительно, съ успѣхомъ боролось со всѣми открытыми нападеніями. Но подкрался врагъ внутренній и незримо повелъ свою губительную работу. О. Михаилъ сталъ рано серебриться преждевременною сѣдиной, и чуткая прозорливость матери давненько предвѣстила роковой исходъ. Минувшимъ лѣтомъ дѣло стало столь скверно, что всѣ близкіе родные были уже охвачены тревогой и печальными ожиданіями¹⁶⁾. Однако больной, зная и чувствуя это, съ героическимъ мужествомъ исполнилъ всѣ трудныя обязанности не только по своему приходу¹⁷⁾, хотя не рѣдко, придя изъ церкви домой, буквально падалъ съ ногъ, а внутренняя дрожь до такой степени потрясала его организмъ, что среди лѣта онъ принужденъ былъ ходить въ зимней одеждѣ. Къ сожалѣнію, мѣстные докторы не поняли всей важности страшнаго недуга и (по дальности разстоянія) отказывались навѣщать, считая данный случай амбулаторнымъ, вообще же ограничивались совершенно палліативными мѣрами и средствами. Лишь 27 августа наиболѣе опытный врачъ мужественно засвидѣтельствовалъ свое познаніе и посоветовалъ отправиться въ С.-Петербургъ. 29 числа о. Михаилъ навсегда покинулъ свой

¹⁵⁾ Съ этой стороны можно отмѣтить лишь слѣдующее: 31 марта 1879 г. о. Михаилъ награжденъ набодренникомъ за усердную и полезную пастырскую службу, а за таковую же по должности законоучителя и завѣдующаго Молодского школой получилъ отъ Никольскаго отдѣленія Велико-Устюжскаго Стефаню-Прокопіевскаго Братства письменную благодарность, утвержденную Совѣтомъ Братства и Пресвященнымъ 20 октября 1899 г.; въ 1902 году 2 апрѣля преподано благословеніе Его Превосищенства съ выдачею установленнаго свидѣтельства: къ 5 мая 1904 г. за отлично-усердную службу награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. Состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Никольскаго Комитета Поченительства о народной трезвости, 9—22 апрѣля 1902 г. избранъ пожизненнымъ членомъ Парижскаго Общества имени Валентина Гая о сѣбныхъ и имѣлъ свидѣтельство отъ 31 августа 1903 г. на право ношенія Высочайше утвержденнаго знака за свыше десятилѣтніе труды по званію корреспондента сельскаго отдѣла Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

¹⁶⁾ Дѣло было тѣмъ хуже, что сильно хворала и жена о. Михаила, почему 5 августа послѣдній писалъ своему брату о. Николаю въ Биаррицъ, что онъ или овдовѣетъ или самъ скоро помретъ отъ той же болѣзни, какъ и родитель (у котораго предпологали ракъ...

¹⁷⁾ Такъ, еще 20 августа онъ былъ на сѣздѣ духовенства въ Кичменгскомъ Городѣ (за 22 версты отъ Кобыльска), а 23 числа написалъ намъ обширное дѣловое письмо, гдѣ бодро говорилъ о своихъ пастырскихъ трудахъ и лишь мелькомъ упоминалъ, что «ежедневно чувствуетъ боль въ головѣ и желудкѣ, который вообще несправенъ».

домъ и приходъ, оставивъ престарѣлую мать, серьезно больную супругу (Александру Васильевну, урожденную тоже Понову) и двухъ дочерей — малютокъ (Файну и Анну). Въ столицу онъ прибылъ только 6 сентября. Положеніе его было тогда настолько плохо, что нельзя было и представить, какъ онъ могъ совершить это далекое путешествіе — на лошадяхъ по крайне неудобнымъ путямъ, въ большой тѣснотѣ на микроскопическомъ парохоликѣ и по желѣзной дорогѣ, гдѣ ночью, обрываясь при спускѣ изъ вагона, приходилось переходить съ багажемъ нѣсколько верстъ (по случаю сгорѣвшаго моста). Величайшее терпѣніе требовалось здѣсь со стороны больного. У него былъ огромный, страшно болѣзненный парывъ на животѣ, и обнаружилось невыразимо мучительное воспаление въ лѣвой ногѣ. Трудно и опасно было тронуть его съ мѣста, почему для перевозки даже по торцовой мостовой съ Невскаго проспекта до Литейнаго понадобилась особая приспособленная „санитарная карета скорой помощи“, куда 8 сентября о. Михаилъ отнесенъ былъ изъ квартиры дяди на носилкахъ и затѣмъ помѣщенъ въ отдѣльную комнату при 11-й палатѣ хирургическаго отдѣленія Маріинской больницы. 9 числа сдѣлавъ ему операцію вскрытія абсцесса главный врачъ этого отдѣленія Dr. Григорій Алексѣевичъ Свѣяжениновъ, при чемъ выпущено около 4 фунтовъ гноя. Больному сразу сдѣлалось лучше, и всѣ окрылились свѣтлыми надеждами. Но онъ самъ, повидимому, не вѣрилъ этому, и 18 сентября, прощаясь съ отъѣзжавшими домой своими родственниками провожатыми (о. Викториномъ и Александрой Ржавицкими), заливался горькими слезами, а потомъ не разъ говорилъ петербургскимъ роднымъ о перевозкѣ тѣла его на приходъ, высказывая подозрѣніе о присутствіи у него рака. Последнему заявленію никто не придавалъ значенія, и врачи предполагали скорое поправленіе. Но назначенные для вставанія и сидѣнья сроки проходили, между тѣмъ о. Михаилъ не могъ приподняться и замѣтно для всѣхъ сталъ слабѣть и гаснуть. Послѣ 20 сентября послышались зловѣщія намеки, а 25 числа вечеромъ категорически предупредилъ объ опасности протоіерей Маріинской больницы Константинъ Іоанновичъ Знаменскій, все время принимавшій въ больномъ самое горячее участіе съ братскою любовью и христіанскимъ самоотверженіемъ. Наконецъ, 2 октября главный врачъ Маріинской больницы Dr. Алексѣй Алексѣевичъ Трояновъ сообщилъ дядѣ о. Михаила, проф. Н. Н. Глубоковскому, рѣшительный приговоръ, что у больного ракъ, и онъ умретъ отъ.

этого безусловно. Домашнимъ роднымъ немедленно посланы телеграммы, которыя особенно были страшны для нихъ своею роковою неожиданностію послѣ прежнихъ успокоительныхъ извѣстій, а къ 7-му октября вызваны изъ Вологды два сына—воспитанники 5 и 2 классовъ Духовной Семинаріи Василій и Николай Поповы, которыхъ онъ въ первое мгновеніе—послѣ перевязки—не призналъ, но потомъ ласково благодарилъ: „Спасибо же вамъ, дѣтки! При васъ мнѣ все-таки полегче“. Больной, уже не разъ пріобщавшійся св. таинъ, 4 октября былъ напутствованъ таинствомъ елосвященія, совершеннымъ прот. К. І. Знаменскимъ и его, (о. Михаила) роднымъ братомъ свящ. Константиномъ Васильевичемъ Поповымъ, при участіи іеродіакона Александроневской лавры Валеріана, послѣ чего онъ, благоговѣнно перекрестившись, твердо сказалъ: „Слава Богу! Теперь мнѣ можно умереть спокойно!“ и впослѣдствіи неоднократно повторялъ эти слова. Днемъ того же числа о. Михаилъ слабѣющею рукой написалъ на имя своей больной жены трогательное письмо слѣдующаго содержанія: „Прошу всѣхъ и молю—непрестанно молиться о мѣѣ грѣшномъ. Васю, Колю, Фаню и Анюту (дѣтей своихъ) цѣлую и благо ловляю, прося ихъ маму не забывать и всегда слушаться. Посылаю свое благословеніе и всему Кобыльскому приходу. Живите всѣ съ Богомъ: въ мирѣ, согласіи и любви и помолитесь за меня грѣшнаго. Мамашу (т. е. свою мать) цѣлую и благословляю. О. Викторинъ (Ржавицынъ) и (жена его, сестра почившаго) Саша пусть не забываютъ меня грѣшнаго въ своихъ молитвахъ. Цѣлую дѣтей, Сашу (жену), мамашу и тету (престарѣлую Марѳу Михайловну Попову). О. Діакону, псаломщику, школь и сторожамъ привѣтъ. Любящій и благословляющій Поповъ Мих “¹⁸).

Послѣ этого окончательно оставилъ больного всякія житейскія попеченія, о которыхъ онъ и прежде говорилъ крайне рѣдко, хотя весьма интересовался приходомъ, церковію и школами и требовалъ о нихъ съ мѣста точныхъ и подробныхъ донесеній. Вольной ушелъ въ себя и сосредоточенно молчалъ, изрѣдка бредилъ разными путешествіями и постоянно крестился, самъ же догоралъ и таялъ, какъ чистая свѣча предъ Господомъ. Крѣпкій организмъ голодалъ и развивалъ большой аппетитъ, а приемы пищи и питья способствовали лишь дальнѣйшему ослабленію,

¹⁸. Въ этомъ же тояѣ о. Михаилъ писалъ своему брату о. Николаю 22 сентября и 3 и 12 октября, тѣготясь лишь своимъ бездѣйствіемъ, что „Богъ привелъ мнѣ за грѣхи лежать въ больницѣ“; „не видя конца своему лежанію“, онъ просилъ: „простите Бога ради и помолитесь за меня грѣшнаго“.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ на койкѣ въ комнатѣ при палатѣ № 11 хирургическаго отдѣленія Маріинской Вольницы г. С.-Петербурга 15-го октября 1909 года (четвергъ).

По снимку его брата о. Константина В. Попова.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ на койкѣ въ комнатѣ при палатѣ № 11 хирургическаго отдѣленія Марининской Больницы г. С.-Петербурга 15 октября 1909 года (четвергъ); надъ головою видны изображеніе св. Анны Кашиинской и еще выше—разграфленный листъ для больничныхъ отиѣтокъ.

По снимку его брата о. Константина В. Попова.

потому что все принятое вскорѣ мучительно извергалось рвотой. О. Михаилъ очень страдалъ, но долго не проявлялъ этого громкими вздохами и всегда заботился единственно о томъ, чтобы не побеспокоить даже больничную прислугу. Лишь съ октября слышались стоны, которые постепенно учащались и усиливались. Замѣчалось иногда ослабленіе памяти, но вообще сознание было ясное, и еще 15 октября онъ выглядѣлъ весьма бодримъ на снятой тогда братомъ его о. Константиномъ фотографіи и вечеромъ написалъ въ благословеніе своимъ малюткамъ—дочерямъ иконки св. Александра Невского и Казанской Божіей Матери. Большого непрерывно навѣщали и всячески облегчали родные, а дѣти дежурили каждый день все время, пока позволяли больничные порядки, но часто заходили просто знакомые о. Михаила и его родственники (проф. Александръ Александровичъ Бронзовъ, Иванъ Ивановичъ Голубевъ, проявившій самую дѣятельную и сердечную заботливость, земляки—членъ Г. Думы прот. Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ и свящ. Михаилъ Степановичъ Поповъ). Утѣшали его и вѣсти отъ родныхъ, письма которыхъ онъ перечитывалъ иногда по десятку разъ и часто засыпалъ съ ними въ рукахъ. Много и душевно заботились о немъ благостный протоіерей К. І. Знаменскій и іеродіаконъ Александро-Невской Лавры Валеріанъ (въ мѣрѣ Василій Григорьевичъ Храбровъ); послѣдній лежалъ въ томъ же хирургическомъ отдѣленіи Маріинской больницы послѣ тяжёлой операціи и слѣдилъ за о. Михаиломъ съ самого поступленія его туда, а потомъ перебрался къ нему въ комнату и ухаживалъ съ вѣжною внимательностію до самого своего выхода, 8 октября ¹⁹⁾. Врачебный персоналъ относился предупредительно, а младшій докторъ отдѣленія изъ Вологодскихъ семинаристовъ Сергѣй Константиновичъ Андроновъ, доколѣ не былъ переведенъ на терапевтическое отдѣленіе, самолично дѣлалъ всѣ сложныя перевязки, которыя были столь мучительны, что, напр., послѣ одной изъ нихъ больной, видя предъ собою только-что пріѣхавшихъ изъ Вологды сыновей, не сразу могъ узнать ихъ. Больничный уходъ былъ достаточно тщательнъ,—и у о. Михаила послѣ смерти не оказалось пролежней, хотя съ вечера 8 сентября онъ уже не спускалъ ногъ съ койки. Не смотря

¹⁹⁾ Послѣ этого о. Михаилъ остался и долженъ былъ почевать одинъ, почему изъ предосторожности, чтобы онъ ночью не свалился съ койки, по длинѣ послѣдней съ лѣвой руки была прикрѣплена доска, завѣшенная простыней, а направо находилась стѣна больничной комнаты при палатѣ № 11 хирургическаго отдѣленія Маріинской больницы. Въ такомъ видѣ о. Михаилъ и былъ снятъ о. К. В. Поновымъ днемъ 15 октября 1909 г. (въ чет-

на нѣ эти поноченія, слей жизни изсякаль неуждержимо, по зѣ ровый организм и на рѣдкость крѣпкое сердце героически боролись, поддерживаемые частыми впрыскиваніями подѣ кожу оживляющихъ растворовъ (камфоры, опія). Однако 18 октября о. Михаилъ былѣ уже живымъ мертвецомъ и ослабѣль до того, что не могъ откусить отѣ цѣльнаго яблока, а 19-го только стональ и непрерывно крестилсѣ. Зрѣніе и слухъ сильно понизились, но при напряженіи больной всѣхъ узнаваль и еще вечеромъ на вопросѣ сестры милосердія о стоявшемъ предѣ нимъ юношѣ твердо отвѣтилѣ: „это мой сынѣ, миленькій Коля“. Ночью стало ему совсѣмъ плохе, и съ утра онѣ уже не открываль глазѣ, тяжело стональ, изрѣдка ворочалсѣ и двигаль правой рукой, со сложенными для крестнаго знаменія перстами; для облегченія дыханія приходилосѣ давать кислородѣ. Была несомѣнная агонія, и тѣмъ не менѣе у больного еще теплилась искра сознанія, потому что въ 2¹/₂ часа пополудни, когда дяля его, проф. Н. Н. Глубоковский, поцѣловаль въ уста и прещалсѣ, о. Михаилъ похолодѣвшею рукой слабо благословиль. Была прочитана отходная о. К. І. Знаменскимъ, который, простудившись среди своей тяжелой и нервной службѣ, самъ былѣ боленѣ и вечеромъ слегъ въ постель отѣ воспаления легкихъ, но и тогда не прекращаль своихъ заботѣ совѣтами и распоряженіями чрезѣ своихъ дѣтей²⁰). Кѣ пяти часамъ 20 октября страданія о. Михаила прекратились, онѣ уснокоился и въ 5 ч. 40 м. тихо скончалсѣ въ присутствіи своихъ дѣтей ровно чрезѣ 7 лѣтъ по вступленіи на Кобыльскій приходѣ и послѣ 20 лѣтъ безѣ 5 мѣсяцевъ служенія церкви Божіей въ священномъ санѣ, имѣя 40 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 12 дней отѣ роду. Онѣ точно заснулѣ и—вѣрнѣ—заснулѣ сномъ праведника, вошедшаго въ покой Божій. *Скончався о малѣ—исполни лѣта дома; угодна бо бѣ Господеву душа его* (Прем. Солом. IV, 13—14).

Врачебная экспертиза установила теперь смерть отѣ саркомы (или ползучаго рака) бедра, при чемѣ разрушены всѣ поджелу-

вергѣ, или всего лишь за 5 сутокъ до смерти, при чемѣ въ изголовьи вышли изображеніе св. Анны Кашинской и больничный разграфленный листокъ съ отѣтками температуры и перевязокъ, а выше была укрѣплена желѣзная черная доска съ надписью бѣлою краской имени лѣтъ о. Михаила и его бѣлѣзны: *abscessus abdom(inis)*, т. е. нарывѣ на животѣ.

²⁰ Между прочимъ трогательно, что онѣ не только не приняль даже 1¹/₂ рублей въ кружку за нѣкоторые расходы по паннихидамѣ, но возвратилѣ ихъ отѣ себя „на счастье“ дѣтямъ о. Михаила²¹ особыми „дарскими деньгами“ (которые чеканятся исключительно для Государа на подарки, тщательнѣ отѣвываются и шлифуются отѣ руки).

дочины ткани, и гнойная матерія проложила свой выходъ наружу чрезъ всю брюшную полость на поверхность живота около грудной клѣтки, гдѣ сочилась непрерывно, останавливаемая тампонами и перевязкой, въ которой почившій положенъ и во гробъ.

Тѣло было перенесено въ больничную часовню и 21 октября обрѣжено по іерейскому чину въ свѣтлое глазетовое облаченіе братомъ почившаго свящ. К. В. Поповымъ при участіи старшаго больничнаго дьякона Симеона Георгіевича Скоропостижнаго. Умершій вдали отъ родины, о. Михайлъ принять послѣдніе дары и благословенія самыхъ близкихъ ему лицъ: на него надѣта сорочка его родителя и возложенъ тѣльный крестъ, которымъ его мать три года тому назадъ благословила своего брата, а подъ подушки спрятаны лента и цѣтокъ изъ гроба его отца, сохранившіеся у проф. Н. Н. Глубоковского. По церковному чину тѣло положено въ цинковый гробъ, приспособленный для дальней перевозки (и съ устресненнымъ надъ головой во внутренней цинковой крышкѣ стекляннмъ окошечкомъ, покрытымъ при послѣдней запайкѣ воздухомъ), такъ какъ о. Михайлъ выразилъ непреклонную волю быть погребеннымъ на своемъ родномъ приходѣ, гдѣ давно избралъ себѣ мѣсто рядомъ съ могилою своего отца и по близости отъ бабушки, Платониы Матіевны Глубоковской. Затѣмъ совершались панихиды, ибо отпѣваніе предположено было на родинѣ. Въ служеніяхъ—кромѣ брата почившаго, о. К. В. Попова, и больничныхъ діаконовъ С. Г. Скоропостижнаго и младшаго Алексѣя Іоанновича Волкова принимали участіе священникъ Балтійскаго завода въ С.-Петербургѣ о. Михайлъ Степановичъ Поповъ, членъ Госуд. Думы Лальскій протоіерей Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ, помощникъ предѣдателя Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ прот. Іоаннъ Ильичъ Тихомировъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи и настоятель церкви Кавалергардскаго полка, митрофорный протоіерей Евгеній Петровичъ Аквилонъ, членъ Государственнаго Совѣта заслуженный профессоръ Харьковского Университета, митрофорный протоіерей Тимофей Ивановичъ Буткевичъ; приходилъ отдать послѣдній долгъ и іеродіаконъ Валеріанъ. Особенно торжественно былъ отправленъ вечеромъ 22 октября любимый почившимъ заупокойный парастасъ, который совершали протоіереи Е. Н. Аквилонъ и Т. И. Буткевичъ вмѣстѣ съ о. К. В. Поповымъ. 23-го октября, въ пятницу, въ два часа совершена протоіереями Т. И. Буткевичемъ и І. И. Тихомировымъ и свящ. К. В. Поповымъ прощальная панихида, и за-

тѣмъ похоронная процессія направилась по Невскому проспекту на Николаевскій вокзалъ. Во главѣ процессіи шелъ въ митрѣ о. Т. И. Буткевичъ. Былъ сумрачный и сырой день. Колесница медленно двигалась подъ трогательныя наѣвы пѣвчихъ. Количество провожавшихъ родныхъ и знакомыхъ увеличивалось присоединившимися изъ публики. У Знаменской Вхо-Іерусалимской церкви процессія встрѣчена со звономъ, вышелъ самъ настоятель протоіерей Павелъ Потаповичъ Космодемьянскій вмѣстѣ съ протоіакономъ и совершилъ торжественную литію при огромномъ стеченіи народа. На вокзалъ прибыли уже въ 3 часа. Въ вагонѣ прот. Т. И. Буткевичъ еще разъ совершилъ краткую литію, всѣ присутствующіе пропѣли дорожному о. Михаилу „вѣчную память“ и простились съ нимъ окончательно. Гробъ былъ запаянъ и съ поѣздомъ въ 12 ч. 20 м. ночи отправленъ въ сопровожденіи дѣтей чрезъ Вологду и Вятку до ст. Пинюгъ и оттуда лошадами на родину, чтобы здѣсь могила о. Михаила была отъ него наилучшимъ утѣшеніемъ и поученіемъ для родныхъ и прихожанъ на всѣ поколѣнія, какъ выразился самъ почившій въ своей рѣчи на одной изъ паннихидъ по своему родителю.

Глубоко скорбящіе родственники ²¹⁾ и знакомые съ болъшюю тревогой проводили тѣло дорогого покойника, опасаясь за

¹²⁾ Не малымъ утѣшеніемъ для нихъ могутъ служить выраженія сочувствія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Такъ, архіепископъ Варшавскій и Привислинскій Николай (Зіоровъ), бывшій при почившемъ мѣ въ Вологодской духовной семинаріи инспекторомъ, записалъ его въ свой поминникъ. Высень почившій и въ диптихъ Іоанно-Богословской церкви при родной ему Вологодской духовной семинаріи Трогательныя соболѣзнованія заявили Н. Н. Глубоковскому профессору Лейпцигскаго Университета Caspar René Gregory и іеродіаконъ Новоавоескаго монастыря Патрикій (Кривошановъ), а епископъ Кронштадтскій Владиміръ (Путята) писалъ изъ Парижа 10—23 ноября о. Ник. Вас. Попову: „соболезную Вамъ и усердно молюсь о упокоеніи души усопшаго іерея Михаила“. Газета «Le Memorial des Pyrénées», издающаяся въ По (губернскомъ городѣ департамента Нижнихъ Пиренеевъ), гдѣ о. Николай состоятъ священникомъ мѣстной православной русской церкви, напечатала въ № 274 за 21 и 22 ноября 1909 г. такую некрологическую замѣтку (стр. 2, столб. 3): „Съ живымъ прискорбіемъ узнали мы о постигшей господина настоятеля православныхъ русскихъ церквей въ По и Биаррицъ печали вслѣдствіе недавно случившейся въ С.-Петербургѣ смерти его брата, высокопреподобнаго о. Михаила Прозва, вслѣзъ кратковременной, но тяжелой болѣзни. Мы просимъ Его Высокопреподобіе о. Николая Попова припѣть выраженіе нашихъ искреннихъ соболѣзнованій“.

Въ подлинникѣ такъ: «C' est avec un vif regret que nous apprenons le deuil qui frappe M. l' aumônier des églises russes orthodoxes de Pau et Biarritz, en la personne de son frère, le Très Révérend Père Michel Popoff, décédé il y a quelques jours à Saint-Petersbourg, après une courte, mais cruelle maladie. Nous prions son frère, le Très Révérend Père Nicolas Popoff d' agréer l' expression des nos sincères condoléances».

благополучное слѣдованіе по причинѣ неудобствъ и дальности сообщенія—свыше 1¹/₂ тысячъ верстъ, изъ коихъ около 130-ти надобно было сдѣлать позднюю осеннюю порой по сквернѣйшимъ дорогамъ, да еще дважды переѣзжать черезъ рѣку. Но Господь былъ милостивъ къ почившему служителю Своему и благоустроилъ послѣдній его путь къ мѣсту вѣчнаго упокоенія ²²⁾. 26 октября (понедѣльникъ) раннимъ утромъ вагонъ съ прахомъ о. Михаила прибылъ на станцію Сѣверныхъ жел. дорогъ „Пинюгъ“, откуда черный ящикъ, съ гробомъ внутри, того же числа отправленъ въ Пушму (25 верстъ), а здѣсь былъ принятъ на высланный изъ дома подводы и двинулся дальше чрезъ Подосиновецъ (52 версты) въ Яхренъгу (65 верстъ отъ Пинюга и 57 до Кобыльска). Священникъ Яхренъгской Богоявленской церкви о. Димитрій Андреевичъ Прокошевъ, освѣдомленный заранѣе, нарочито совершилъ по почившемъ собратѣ заупокойное богослуженіе въ день слѣдованія тѣла, которое—по прибытіи—было завезено въ церковную ограду и напутствовано литіей. Причтъ въ полномъ составѣ съ хоругвями и иконами почтилъ о. Михаила торжественными проходами до деревни Ступина (въ 2-хъ верстахъ отъ церкви). Къ селу Утманову—Ильинскому, гдѣ однимъ изъ (двухъ) священниковъ служить своякъ покойнаго о. Викторинъ Философовичъ Ржаницынъ, тѣло прибыло 27 октября (вторникъ въ 2 часа дня), встрѣчено было всѣмъ причтомъ во главѣ съ настоятелемъ о. Николаемъ Алексѣевичемъ Поповымъ (у котораго почившій исповѣдывался предъ отправленіемъ въ С.-Петербургъ) верстахъ въ 2-хъ отсюда съ колокольнымъ звономъ, а въ церковной оградѣ отправлена литія. Въ 5 часовъ вечера Утмановскимъ причтомъ совершено было заупокойное всенощное сдѣніе, и затѣмъ тѣло подъ церковный звонъ послѣдовало впередъ, предшествуемое иконами. Въ такомъ видѣ оно прибыло въ 11 часовъ дня въ среду 28 октября въ Сушники—первую по дорогѣ деревню Кобыльскаго прихода (въ 3 верстахъ отъ церкви)—и встрѣчено крестнымъ ходомъ. Заранѣе поспѣвшій сюда о. Викторинъ Ржаницынъ совмѣстно съ Кобыльскимъ причтомъ (діакономъ Александромъ Николаевичемъ Волокитинымъ и псаломщикомъ Геннадіемъ Алексѣевичемъ Поповымъ) совершилъ литію при большомъ стеченіи народа и при полномъ составѣ учащихся Митенево-Горскаго земскаго училища съ учителемъ Афанасіемъ Ионовымъ.

²²⁾ Дальнѣйшее сообщается на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ съ мѣста разными лицами.

вичемъ Фалалеевымъ. Тутъ, на границѣ родной территоріи земного бытія и пастырскаго служенія почившаго настоятеля Кобыльской Ильинской церкви, о. Викторинъ сказалъ трогательную рѣчь съ умиленнымъ привѣтомъ отъ имени прихожанъ и ближайшихъ родственниковъ, впервые увидѣвшихъ здѣсь дорогого покойника. Бѣлый глазетовый гробъ, на которомъ была укрѣплена находившаяся еще въ Маріинской больницѣ икона Коневаской Божіей Матери со свѣчею дяди отъ послѣдней литіи въ С.-Петербургѣ уже въ самомъ вагонѣ, теперь вынули изъ ящика, и потомъ онъ былъ несенъ на рукахъ прихожанами въ сопровожденіи учениковъ и при пѣніи церковныхъ пѣснопѣній. Съ этого момента все время съ церковной колокольной непрерывно производился звонъ. При деревнѣ „Митенева Гора“ (5 верстъ отъ села), гдѣ столь много, самоотверженно и благородно потруился о. Михайлъ для школьнаго просвѣщенія, опять была отслужена литія противъ Митенсво Горскаго земскаго училища по его благостному законоучительству. Затѣмъ крестный ходъ направился „бормомъ“ къ самому селу, — и вотъ въ 2 часа яснаго осенняго дня почившій оказался снова на берегу рѣки Юга въ родномъ Кобыльскѣ, но лишь затѣмъ, чтобы получить послѣднія молитвенныя напутствія въ своей церкви среди близкихъ ему по плоти и духу — родныхъ и прихожанъ. Горестные вопли осиротѣвшихъ матери, сейчасъ только увидѣвшей прахъ своего старшаго сына, супруги и дѣтей, юныхъ и малыхъ, смѣшивались со слезами и стenanіями многочисленнаго народа.. Невыразимо тяжело было слышать, какъ дѣвочки — сиротки звали своего папу, а младшая крошка все хотѣла, чтобы онъ покачалъ ее на колыбеляхъ... Ихъ плаивныя рѣчи и звонкій плачь вызывали жгучую боль и раздирали душу всѣхъ до самаго погребенія, а послѣ него продолжаютъ болѣе умиротворенно окружать дорогую могилу.²³⁾ Воля сердца растворялась лишь молитвою христіанской вѣры и свѣтлой надежды. Съ такими чувствами торжественно встрѣтила съ колокольнымъ звономъ, иконами и хоругвями Кобыльская церковь своего достойнаго настоятеля по перевозѣ чрезъ рѣку Югъ. Тутъ тестемъ почившаго о. Василиемъ Титовичемъ Поповымъ совершена литія, которая была повторена и у святыхъ вратъ церковной ограды вблизи церковно-приходской Кобыльской школы, всецѣло обязанной о. Михайлу своимъ процвѣтаніемъ. Засимъ тѣло внесено

²³⁾ Умиленно слышать, что дѣвочки ежедневно ходятъ по утрамъ на могилу будить своего папу и помолиться о немъ.

было въ домъ, благоустроенный заботами почившаго. И вотъ о. Михаилъ оиять въ своей залѣ подлѣ рабочаго кабинета среди родныхъ, но—увы!—безгласный и бездыханный. Щемащая грусть невольнo охватывала всѣхъ присутствующихъ и рѣкой полились горькія слезы осиротѣвшихъ. Великимъ утѣшеніемъ для нихъ было взглянуть на дорогія имъ черты незабвеннаго іерея Михаила, — сына, мужа, отца и пастыря, — и это было дозволено потому, что отпѣванія пока не совершалось и преданія землѣ еще не послѣдовало. Въ цинковой крышкѣ гроба, которая сверху покрывалась деревянной, было вѣлано (въ мастерской А. М. Козлова) надъ самою головою стекло, и чрезъ него почившій видѣнъ былъ почти до пояса. Когда снимали „воздухъ“ со стекла, всѣмъ сразу открывался знакомый образъ. Тѣло сохранилось съ замѣчательною неприкосновенностію. О. Михаилъ лежалъ, немного повернувшись головою въ лѣвую сторону, со спутавшимися спутившимися прядями волосъ на лбу; выраженіе лица со впалыми закрытыми глазами — сосредоточенное и спокойное, а его блѣдность вполне подходила къ худобѣ. Не чуялось дыханія смерти и разложенія, ибо такимъ же покойный высматривалъ по внѣшности и въ Мариневской больницѣ за послѣдніе дни до кончины. О. Михаилъ во истину точно спалъ, почивъ сномъ праведника. Собранные священники отслужили литію и стали читать Евангеліе до 5 часовъ вечера. Въ это время послѣдоваль заупокойный благоговѣствъ ко всеошной. Теперь всемъ священниковъ ²⁴⁾ совершили панихиду при участіи двухъ діаконъ ²⁵⁾ и мѣстнаго псаломщика, — и тѣло на рукахъ духовенства съ хоругвями среди массы народа и при колокольномъ звонѣ было вынесено въ храмъ подъ звуки священныхъ ѳсношній. Въ нижней церкви — послѣ панихиды — торжественно совершено заупокойное бдѣніе по нарастасу — съ пѣніемъ и чтеніемъ канона, при чемъ духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ выходило на средину и, окруживъ гробъ, молилось у него во все время пѣнія заупокойныхъ статей съ

²⁴⁾ Благочинный, священникъ Ентальской Троицкой церкви Василій Павловичъ Поповъ, помощникъ благочиннаго свящ. Кобыльской Георгіевской ц. (въ селѣ Косково) Николай Михайловичъ Кругловъ, священники — Епангской Николаевской ц. (на Слободкѣ) Алексій Николаевичъ Коносовъ, Утмановской Ильинской ц. Викторинъ Философовичъ Ржананицъ, Сараевской Троицкой ц. (въ Березовцѣ) Іоаннъ Александровичъ Быстровъ (оба — свои почившаго, жнатые на его сестрахъ Александрѣ и Маріи), Дорожковской Леонтіевской ц. Василій Виталиевичъ Ушаковъ, Епангской Воскресенской ц. Сергій Платоновичъ Богдановъ и заштатный священникъ Луженгской Николаевской ц. Устюжскаго уѣзда (тестъ покойнаго) Василій Титовичъ Поповъ.

²⁵⁾ А. Н. Волокитинъ и діаконъ Кичменгской Спасо-Преображенской церкви (въ Кичменгскомъ Городкѣ) Григорій Аристарховичъ Подъяковъ.

припѣвами. Всеночная окончилась только въ 8 часовъ вечера; въ служеніи ея принимали участіе девять священниковъ ²⁶⁾, два діакона (Волокитинъ и Поддьяковъ) и мѣстный псаломщикъ съ хоромъ учащихся и учащихся Кобыльскихъ школъ. 29-го октября — въ четвергъ — назначено было отпѣваніе, которое, безъ сомнѣнія, собрало бы все духовенство округа, еслибы можно было оповѣстить своевременно. Въ 6 часовъ утра о. Василій Шипулинъ отправилъ будничную утреню, затѣмъ совершалось чтеніе Евангелія, а въ 8 часовъ раздался благовѣстъ въ большой колоколъ къ литургіи. Последнюю совершали тѣже девять священниковъ въ сослуженіи трехъ діаконѣвъ ²⁷⁾ и трехъ псаломщиковъ ²⁸⁾ съ хоромъ пѣвчихъ изъ учениковъ. Присутствовали всѣ вообще учащіеся Митенево-Горскаго земскаго училища и мѣстной церковно-приходской школы, въ коихъ ученія не было, во главѣ съ учителемъ А. І. Фалалѣевымъ и учительницею Марією Александровною Воскресенскою. Прибыла и учительница Енангской второклассной церковно-приходской женской школы Агнія Ивановна Заварина, учительствовавшая съ покойнымъ и на Моломѣ и — сначала — въ Кобыльскѣ. Послѣ причастна о. Викторинѣмъ Ржаницынымъ было сказано поученіе, а послѣ заамвонной молитвы произнесъ слово о. Алексѣй Копосовъ. Литургія окончилась въ 10 часовъ. Стеченіе народа было громадное; дабы всѣ имѣли возможность проститься навсегда съ любимымъ и почитаемымъ пастыремъ, сдѣлали получасовой перерывъ, въ теченіе котораго сплошную вереницей проходили съ поклонами и молитвами скорбящіе прихожане, чтобы отдать почившему послѣдній долгъ преданности, уваженія и благодарности. Въ 10¹/₂ часовъ началось отпѣваніе оляннадцатью священниками ²⁹⁾ при участіи четырехъ діаконѣвъ ³⁰⁾ и четырехъ псаломщиковъ ³¹⁾ въ переполненномъ Николаевскомъ (нижнемъ) храмѣ, едва вмѣщавшемъ

²⁶⁾ Къ прежнимъ присоединился успѣвшій прибыть священникъ Кичменгской Спасо-Преображенской ц. Василій Павловичъ Шипулинъ.

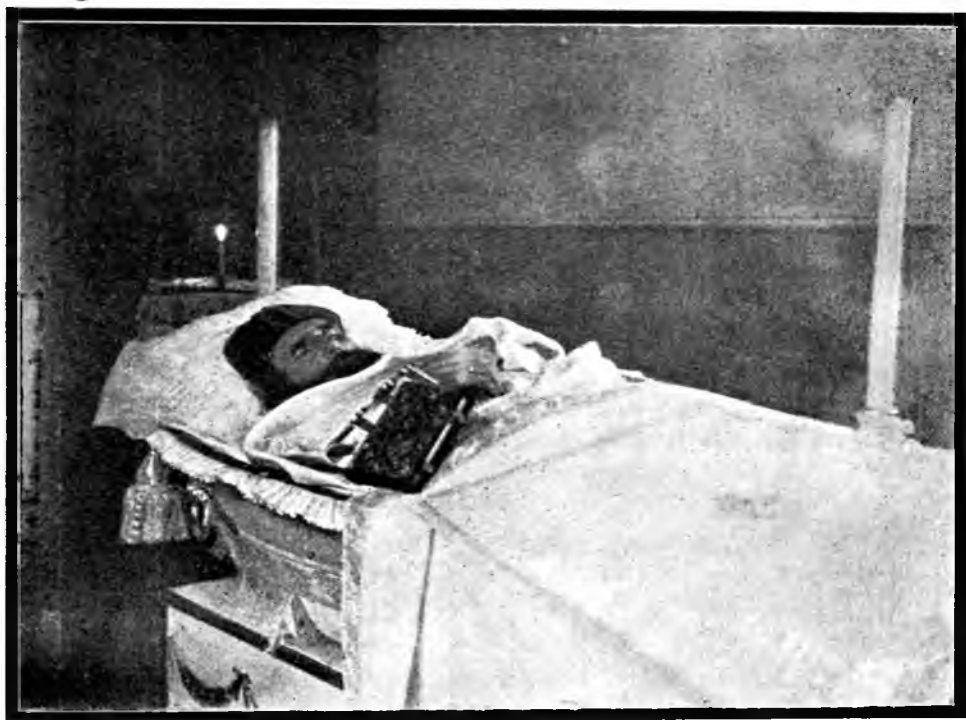
²⁷⁾ Мѣстный А. Н. Волокитинъ, Енангской Николаевской ц. Анатолій Владиміровичъ Озерковъ и Кобыльской Георгіевской ц. Александръ Викторовичъ Яхлаковъ.

²⁸⁾ Мѣстные — штатный Г. А. Поповъ и заштатный Андрей Михайловичъ Сумароковъ и Кобыльской Георгіевской ц. Алексѣй Афанасіевичъ Харьзовъ.

²⁹⁾ Къ прежнимъ присоединились еще священники Кильчангской Троицкой ц. Николай Николаевичъ Старостинъ и Шонгской Николаевской ц. Іоаннъ Константиновичъ Голубевъ.

³⁰⁾ А. Н. Волокитинъ, Г. А. Поддьяковъ, А. В. Озерковъ и А. В. Яхлаковъ.

³¹⁾ Г. А. Поповъ, А. М. Сумароковъ, А. А. Харьзовъ и Кильчангской Троицкой церкви Алексѣй Матвѣевичъ Вожедомовъ.

О. Михайлъ Васильевичъ Поповъ († 1909, X, 20—вторникъ) во гробѣ въ часовнѣ
Маринской Больницы г. С.-Петербурга 23 октября 1909 года (пятница).
По снимку его брата о. Константина В. Попова.

О. Михаилъ Васильевичъ Поповъ († 1909, X, 20—вторникъ) во гробѣ въ часовнѣ
Маринской Больницы г. С.-Петербурга 23 октября 1909 года (пятница).

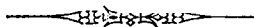
По снимку его брата о. Константина В. Попова.

молящихся. Предъ началомъ отпѣванія, которое продолжалось 2½ часа, сказалъ поучительную рѣчь о. І. А. Быстровъ, во время его произнесли рѣчи дѣти о. Михаила Василій (воспитанникъ 5 класса Вологодской дух. семинаріи) и Николай (2-го класса Вологодской дух. семинаріи) у самого гроба послѣ перваго Евангелія, а послѣ пятаго Евангелія обратился съ назидательнымъ словомъ помощникъ благочиннаго о. Н. М. Кругловъ. Все выслушивалось со скорбнымъ напряженіемъ, которое достигло крайняго предѣла, когда говорили юныя дѣти почившаго съ чувствомъ глубокаго горя отъ невыразимо болѣзновавшаго сердца:—послышались тяжелые вздохи, раздались непритворныя всхлипыванія, полились слезы и, наконецъ, зарыдали всѣ, не исключая и священнослужителей... Прощаніе опять продолжалось не менѣе полчаса, и—послѣ отпуста—тѣло покойнаго о. Михаила съ иконами и хоругвями, при торжественномъ звонѣ, было обнесено духовенствомъ вокругъ церкви къ уготованной рядомъ съ родительскою могилою, выложенной кирпичемъ. Въ эту скорбную минуту приблизился къ гробу учитель Митенево Горскаго земскаго училища Аѳанасій Іоновичъ Фалалѣевъ и почтилъ своего законоучителя признательнымъ словомъ за его великіе просвѣтительные подвиги, которымъ онъ посвящалъ всѣ силы и средства. Это прощальное привѣтствіе было невольнымъ свидѣтельствомъ, что добрые труды покойнаго уже приносятъ благіе плоды. При такихъ предзнаменованіяхъ сошелъ іерей Михаилъ въ могилу и приложился къ отцу своему до всеобщаго воскресенія. Надъ гробомъ былъ выведенъ кирпичный сводъ и могила засыпана землей. Было уже около 2 часовъ по полудни. По возвращеніи въ церковь совершили литію, и отсюда направились ко вдовѣ въ домъ, гдѣ были приготовлены чай и обѣдъ. Собралось до 70 человекъ духовенства съ „матушками“ (А. К. Копосова, Л. А. Круглова, А. К. Богданова, М. К. Старостина) и другими почетными лицами изъ гостей и прихожанъ. Предъ обѣдомъ благочинный о. В. П. Поповъ отпраздновалъ литію, а во время обѣда—по мѣстному доброму обычаю—пѣли „Вѣчная память“ и „Со святыми упокой“ двукратно, потомъ стихиру „Плачу и рыдаю“ въ срединѣ обѣда, почтили память покойнаго вставаніемъ съ пѣніемъ литіи и стихиры „Зряще мя безгласна“; затѣмъ сидя пѣли икосъ „Самъ единъ еси безсмертный“ и въ самомъ концѣ съ одушевленіемъ вѣры пропѣли „Смерти празднуемъ умерщвленіе“. Обѣдъ, продолжавшійся около двухъ часовъ, затянулся до

5^{1/2} часовъ вечера. Послѣ сего всѣ присутствующіе, постановивъ совершать по церквамъ благочинія поминавныя литургіи, отправились на свѣжую могилу и, отслуживъ (черезъ Н. М. Круглова) здѣсь литію, еще разъ поклонились дорогому праху. На другой день, 30-го октября (въ пятницу), о. Г. А. Быстровъ совершилъ заупокойную литургію и — послѣ нея — литію на могилѣ и въ дому матери почившаго о. Михаила. Анны Никаноровны; на 3-й день 31-го числа тоже отправлена была литія о. В. Ф. Ржаницынымъ. Такъ торжественно, величественно и трогательно отцы и братія нацѣтовали достойнаго предстоятеля Кобыльской Ильинской церкви, истинно добраго, хорошаго русскаго человѣка, іерея Михаила Васильевича Попова ³²⁾. Искренняя трогательность сердечной преданности и теплая молитва горячей вѣры окружали его гробъ и сопровождали въ послѣднее земное жилище... Справедливо говорилъ одинъ ораторъ, что съ кончиною о. Михаила не умреть любовь къ нему. Это всѣ единодушно чувствовали и раздѣляли, ибо истинная пастырская любовь обязательно рождаетъ ту любовь, великую и спасительную, которая — по Апостолу (1 Кор. XIII, 8) — „николиже отпадаетъ“.

Вѣчная память и блаженный покой въ селеніяхъ праведныхъ незабвенному о. Михаилу, который да будетъ выну чистымъ молитвенникомъ предъ престоломъ Божиимъ о всѣхъ и за вся, яко іерей Бога Вышняго!

Профессоръ *Николай Глубоковский*.

³²⁾ Все совершилось согласно желанію почившаго. Въ его духовномъ завѣщаніи отъ 29 августа 1909 года, объявленномъ непосредственно послѣ похоронъ, имѣется пунктъ 5-й, въ которомъ о. Михаилъ выражаетъ такую свою волю: „Погребеніе мое должно быть приличное, но не роскошное. Желательно, чтобы отиѣваніе было самое простое и чтобы при всѣхъ церквахъ, настоятели которыхъ примутъ участіе въ отиѣваніи моего грѣшнаго тѣла, устроено было по пути сорокоустное помяновеніе по моей грѣшной душѣ съ уплатою вознагражденія имъ по мѣстнымъ обычаямъ. Хорошо, если распорядители моихъ похоронъ устроятъ номинальную трапезу не столько для богатыхъ, сколько для бѣдныхъ.“

РЪЧИ И СЛОВА

ПРИ ВСТРѢЧѢ И ОТПРАВЛЕНІИ ТѢДА

свѣщенника

Михаила Васильевича Попова.

Р Ъ Ч Ъ

о. Ви-торина Ржаницына при встрѣчѣ 28 октября 1909 г. тѣла священника Кобыльской Ильинской церкви Михаила Васильевича Попова въ деревнѣ Сушникахъ,—на самой границѣ Кобыльскаго прихода.

Того ли чаяли мы, дорогой братъ нашъ о. Михаилъ, сопутствуя тебѣ въ далекое странствованіе до С.-Петербурга, что здѣсь—на родномъ приходѣ твоемъ—будемъ встрѣчать тебя съ плачемъ и рыданіями?!... Того ли чаяли оставшіяся дома дорогія и любимѣйшія сердцу твоему мать и супруга, что возвращеніе твое къ нимъ будутъ поливать горячими слезами?!...

Первые и вторыя, уповаю на Бога, ждали тебя, добрый нашъ о. Михаилъ, бодрымъ и здоровымъ. Но на все воля Божія, и Его неизреченное милосердіе да почіетъ на насъ многогрѣшныхъ!

Встрѣчаетъ тебя, добрый пастырь, и паства твоя на границѣ Богомъ назначеннаго тебѣ мѣста пастырскаго труда. Ты видишь и старцевъ, убѣленныхъ сѣдинами. и мужей, и женъ, и дѣтей—учениковъ твоихъ. Всѣ срѣтаютъ тебя, яко пастыря добраго, отзывчиваго къ нуждамъ и скорбямъ людскимъ, заслужившаго любовь и довѣріе пасомыхъ, съ плачемъ и слезами.

При нашихъ недостойныхъ молитвахъ ко Вседержителю Богу, гряди іерей Божій, достолюбимый о. Михаилъ, подъ свѣтъ храма св. славнаго Пророка Божія Іліи, что въ твоемъ родномъ Кобыльскѣ, гдѣ предъ престоломъ Бога Вседержителя ты возносилъ свои святыя молитвы за паству свою и за весь міръ христіанскій, и гдѣ совершилъ литургію и принесъ въ послѣдній разъ 28-го августа сего года безкровную жертву.

Вѣчная память добрый пастырь!

Вѣчная память любящій сынъ!

Вѣчал память милый братъ!

Вѣчная тебѣ память дорогой супругъ!

Вѣчная память нашъ милый папа!

П О У Ч Е Н І Е

о. Викторина Ржаницына, сказанное вмѣсто причастна 29 октября 1909 г. на литургіи при отпѣваніи священника Михаила Засильевича Попова.

При погребеніи обыкновенно говорить поученіе не столько проповѣдникъ, сколько безмолвствующій покойникъ. Не отверзаются уста умершаго, но безмолвіе ихъ волнуетъ сердца и поражаетъ умы гораздо сильнѣе, чѣмъ самое искусное проповѣдническое слово. Скончавшійся является какъ бы тѣмъ Лазаремъ, котораго просилъ послать къ живымъ евангельскій богачъ. И не напрасно наша Христова Церковь въ своихъ заупокойныхъ моленіяхъ и пѣснопѣвіяхъ имѣетъ обычай говорить отъ лица умершихъ ко Господу Іисусу Христу, къ Которому они отходятъ, и ко всѣмъ намъ живымъ на землѣ. Этотъ назидательный обычай основывается на той истинѣ, что умершіе лишь тѣломъ мертвы, а души ихъ сохраняютъ всѣ способности: и мыслить, и чувствовать, и благожелать, и молиться. Итакъ, пока почившій о Господѣ собратъ нашъ и сослужитель еще съ нами, употребимъ остающіяся минуты на благочестивое собесѣдованіе съ нимъ и на молитву за него. Это будетъ дань любви нашей къ усопшему и послѣдняя бесѣда съ нимъ.

Вотъ, по вѣрѣ св. Церкви, усопшій предстоить суду Божію и, среди хваленій Богу Херувимовъ и Серафимовъ и при нашей молитвѣ за него, произноситъ свою сердечную молитву къ Отцу Небесному: *Помилуй раба Твоего. Руцѣ Твои сотвориша мя и создаша мя.... Призри на мя, и помилуй мя, по суду любящихъ имя Твое.* Вотъ, стоя на судѣ Господнемъ, почившій возводитъ очи свои горѣ и молитвенно вызываетъ къ Божественному Искушителю: *на небо очи мои возвожу къ Тебѣ, Слово: ущедри мя, да вижду Тебе.* Вотъ отшедшій отъ насъ собратъ опускаетъ очи свои долу—и, увидѣвъ геенну и яже въ ней, душа его трепетно вопіетъ ко Господу: *Зубами ихъ да не ята будетъ душа моя, яко птенецъ. Слово, увы мнѣ, како имамъ отъ врага избыти, грѣхлюбива сущи?* Вотъ, созерцая красоту свѣтлыхъ обитателей райскихъ и сердечно желая водвориться въ нихъ, скончавшійся вѣщаетъ въ умиленіи: *Какъ возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни.* „Неизбѣжная настигла меня смерть и разлучила отъ присныхъ и милыхъ чадъ моихъ. но Ты, Христе, представившій меня, въ селеніяхъ праведныхъ со избранными Твоими упокой“.

Вотъ еще собрать пангъ покойный вѣщаетъ изъ гроба: „Встаньте и соберитесь нѣ и выслушайте слово отъ меня. Страшно то судище, на которое всѣ мы должны явиться: тамъ нѣтъ ни раба, ни свободнаго; тамъ нѣтъ ни малыхъ, ни великихъ: тамъ всѣ мы предстанемъ въ наготѣ. Куда дѣваются красота и золото? Гдѣ найдемъ славу земную? Ничто не поможетъ намъ тогда. Нѣтъ во адѣ покаянія; нѣтъ тамъ ослабы;—тамъ червь неуспаемый и огонь непроницаемый. А горѣ—тамъ свѣтъ немерцающій, тамъ источникъ жизни вѣчной, тамъ нескончаемое наслажденіе, тамъ рай, въ которомъ ликуютъ всѣ души праведныхъ“. Такъ, братіе, почившій раскрываетъ для насъ тайны замогильной жизни: — его рѣчь должна быть особенно убѣдительно для насъ, потому что онъ уже самъ перешелъ въ жизнь загробную, самъ испытываетъ то состояніе, въ которомъ находятся души наши тогда, по разлученіи съ тѣломъ.

Или вслушаемся еще въ слѣдующія трогательныя слова, обращенныя св. Церковію къ намъ отъ имени скончавшагося: „Я лежу, братія моя возлюбленная, посреди васъ молчаливъ и безгласенъ: уста мои запечатаны, языкъ онемѣлъ, руки связаны, ноги неподвижны, лице измѣнилось. Очі не видятъ рыдающихъ о мнѣ, слухъ не внимаетъ о жалѣющихъ меня, носъ не ощущаетъ благовонія кадильнаго; но истинная любовь никогда не умираетъ. Потому прошу всѣхъ и молю: непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхѣ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинишь мнѣ, илѣже свѣтъ животный“.

Такъ, братіе, усопшій обращается съ мольбою къ намъ живущимъ — своимъ приснымъ и зваемымъ. Теперь наша чреда молиться за почившаго, „его же избралъ и пріялъ Господь,“ и помянуть его предъ Господомъ, „яко да въ день суда обрящемъ милость и увидимъ въ чертогъ славы Его вѣчной, со всѣми избранными“. Придетъ время, когда и сами представимся отъ земли живыхъ и будемъ нуждаться въ ихъ молитвахъ о нашемъ упокоеніи.

Но чѣму сердцу покойный былъ ближе всего, — тому навболѣе вѣщаетъ безмолвіе гроба сего. Посему уповаемъ, что мы не погрѣшимъ противъ истины, если въ уста скончавшагося вложимъ слѣдующее слово утѣшенія къ его осиротѣвшей супругѣ. „Другъ мой, — какъ бы такъ говорить усопшій изъ гроба своей осиротѣвшей супругѣ. — велика твоя потеря, велико твое горе: этого никто такъ хорошо не вѣдаетъ, какъ я. Но мужайся и крѣпись,

памятуя: *его же любитъ Господь, наказуетъ, бѣситъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Притч. III, 12) Господь Всеблагій сочеталъ насъ съ тобою и далъ намъ насладиться чистыми и святыми радостями честной супружеской жизни, даровавъ намъ свое благословіе въ дѣторожденіи. Возблагодаримъ же Вседержителя за Его милость къ намъ, — возблагодаримъ — ты здѣсь на землѣ, я тамъ — на небѣ. Но вѣдь Онъ же, Превлагій и Премудрый Промыслитель, и разлучилъ насъ теперь: — Ему ли станемъ противиться? Съ Нимъ ли станемъ вступать въ пререкапія? Скажемъ и мы съ многострадальнымъ Іовомъ: *Буди имя Господне благословенно* (Іов. I, 21). Съ покорностію и любовью примемъ отъ Всевышняго разлуку нашу въ той неслепленной увѣренности, что Онъ, Промилосердный Отецъ нашъ Небесный, никогда не подастъ намъ камень вмѣсто хлѣба или змію вмѣсто рыбы. Если скорбь твоя о разлукѣ со мною станетъ слишкомъ тяготить твою душу, то скорѣе прибѣгай ко Господу съ молитвою и слезами. Тогда и духъ твой укрѣпится и ты сама поймешь, что супружескій союзъ нашъ не могъ продолжаться вѣчно на землѣ; онъ былъ лишь на время, дабы приготовить насъ къ вѣчному единенію въ Богѣ, — въ обителяхъ небесныхъ. Придетъ время, и ты послѣдуешь за мною въ могилу въ часъ, Богомъ назначенный. Придетъ пѣкое время, и мы, — если Господь Богъ сподобитъ насъ милости Своей, — опять соединимся духомъ въ обителяхъ небесныхъ, — соединимся затѣмъ, чтобы никогда не разлучаться. Я отплачу мой долгъ: отсюда ты меня провожаешь съ рыданіями и слезами, — тамъ я встрѣчу тебя съ веселіемъ и радостію. Объ одномъ намъ должно позаботиться, чтобы встрѣча наша была чиста и безупречна. Нашъ союзъ расторгается лишь видимо — но тѣлу; наоборотъ, для души теперь-то онъ только и начинается. Отходя отъ тебя ко Всевышнему, Который сочеталъ меня съ тобою, я духомъ пребуду съ тобою всюду и всегда. Есть средство и у тебя къ духовному единенію со мною — это молитва о моемъ упокоеніи. Въ видимый залогъ нашего невидимаго, духовнаго союза благость Божія оставила тебѣ нашихъ дѣтей: — въ нихъ наша плоть и кровь, въ нихъ наши духъ и жизнь. Доселѣ они были залогомъ любви нашей земной, — отселѣ они будутъ залогомъ любви небесной. Своимъ духомъ, своею любовію, своею молитвою, своимъ благословіемъ я по благодати Божіей неотступно пребуду съ ними; и ты сосредоточь свою материнскую любовь на нихъ — и во имя этой любви мы будемъ неразлучны съ тобой*.

Братіе! Время прократить наше собесѣдованіе съ почившимъ, который вызываетъ къ намъ: „здравствуйте, друзи, чадо; спасайтесь. братіе, спасайтесь знаемъ: азъ бо въ путь мой шествую, но память творите о мнѣ!“ Запомнимъ этотъ заветъ и дадимъ теперь мѣсто нашей совокупной молитвѣ о дорогомъ покойникѣ. Соединимъ наши сердца и единодушно воззовемъ ко Господу, обладающему живыми и мертвыми, да вселитъ Онъ душу новопреставленнаго раба Своего іерея Михаила въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покоя, идѣже праведніи упокоются. Аминь.

С Л О В О

о. Алексѣя Копосова послѣ заамвонной молитвы на заупокойной литургіи 29 октября 1909 года при отпѣваніи священника Михаила Васильевича Попова.

Приснопамятный о. Михаилъ!

Какъ иногда порывъ вѣтра неожиданно-негаданно напоситъ ненастные тучи съ проливнымъ дождемъ, такъ нѣсколько дней тому назадъ телеграфъ принесъ печальную вѣсть о твоей кончинѣ.—вѣсть, вызвавшую много-много горькихъ слезъ...

Не для радостнаго торжества собрались мы сюда, какъ бывало раньше,—нѣтъ!.. Дорогой сослуживецъ, собрались мы сюда советѣмъ для насъ неожиданно—сотворить о тебѣ надгробное рыданіе съ молитвою и бросить прощальную горсть земли на гробъ твой.

Вѣчная и добрая намять да будетъ о тебѣ, честный отче!

Не судилъ намъ Богъ лично проститься съ тобою. Ты отошелъ въ загробный міръ, не сказавши намъ послѣдняго „прости“, и мы не видѣли тебя умирающаго и сами не успѣли испросить у тебя прощенія.

Прости же, отче и брате, всѣ наши обиды и прегрѣшенія, причиненныя тебѣ волею или неволею.

Ты молчишь, закрытый во гробъ, мы же въ недоумѣніи и горѣ стоимъ при помѣ, не ожидая уже услышать отъ тебя слово, а сердечно и вздыхая возносимъ свои недостойныя молитвы къ Создателю о тебѣ, о упокоеніи души твоей въ райскихъ селеніяхъ.

Вѣримъ, что душа твоя теперь созерцаетъ и адскія муки — и утѣшается; созерцаетъ райское блаженство — и утѣшается. Мо-

лимся мы умиленно и всеусердно, да содѣлаеть тебя Всемогущій Владыка участникомъ райскія славы со всѣми святыми Своими!

Обращаю слово свое и къ вамъ, духовныя дѣти почившаго.

•Прелъ вами гробъ бывшаго вашего духовнаго отца, пастыря и молитвенника.

Вы уже больше не услышите его молитвеннаго голоса о васъ, не услышите добраго слова и наставленій на путь спасенія.

Онъ бездыханенъ и безгласенъ!

Братіе! „Поминайте наставники ваша“ —поучаетъ св. Апостолъ (Евр. XIII, 7). И вы, здѣшніе прихожане, —поминайте покойнаго наставника, о. Михаила. Поминайте и молитесь за него... Помните: онъ, какъ іерей, въ этомъ храмѣ Божиѣмъ молился за васъ, испрашивалъ у Бога прощенія прегрѣшеній вашихъ; молился за васъ при болѣзняхъ и несчастіяхъ вашихъ и въ другихъ случаяхъ; возносилъ Господу Богу благодаренія за тѣ неисчетныя милости, какія Всевышній даруетъ грѣшнымъ людямъ... Покойный о. Михаилъ просвѣщалъ свѣтомъ христіанской вѣры вашихъ младенцевъ въ таинства крещенія. Онъ сопровождалъ молитвою въ загробную жизнь умершихъ отцовъ, братій и присныхъ вашихъ и молился о упокоеніи ихъ. Онъ же принималъ отъ васъ покаяніе и властію, данною ему отъ Бога, разрѣшалъ васъ отъ грѣховъ и преподавалъ вамъ Св. Тайны во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.. Онъ, яко пастырь добрый, училъ васъ, какъ жить христіанину, дабы получить животъ вѣчный; —порицалъ пороки и беззаконія и старался искоренить зло среди васъ и посвятить сѣмена благія. Дѣтей вашихъ онъ училъ правиламъ христіанской жизни и велъ ихъ путемъ добрымъ къ свѣту познанія истины и страха Божія.

О, велико служеніе пастыря Христова!

Недаромъ св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ: „служеніе пастыря выше служенія ангельскаго“.

Таково было служеніе и покойнаго о. Михаила.

Неужли за свои труды для вашей душевной пользы почившій не заслужилъ отъ васъ какой-нибудь награды?

„Достойнъ есть дѣлатель мзды своея,“ глаголетъ Господь (Лук. X, 7. Матѣ. X, 10. 1 Тим V, 18).

И не великой награды требуетъ пынѣ отъ насъ почившій.

„Братіе и друзи! сродницы и знаеміи! непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу“! — вотъ о чемъ просить и молить усоншій.

Помолитесь же, прихожане, за своего почившаго пастыря, да упокоитъ Господь душу его, идѣже вси праведніи почиваютъ, и непрестанно поминайте наставника вашего.

Еще скажу. Въ совмѣстной жязни съ покойнымъ о. Михаиломъ могли быть у васъ, братіе, какія—вибудь несогласія, недоразумѣнія, непріятности и пр. „Нѣсть бо человѣкъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ“.

Возлюбленные прихожане Кобыльскіе! Простите своего отца духовнаго во всемъ, если онъ обидѣлъ васъ или причинилъ вамъ какую—нибудь непріятность. Онъ самъ, по причинѣ тяжелой болѣзни, не могъ, и теперь, уже мертвый, не можетъ проститься и примириться съ вами. Но, вѣримъ, что, умирая, онъ въ душѣ своей примирился со всѣми.

Простите же ему все!

Кто имѣетъ какую—либо обиду на покойнаго, преклонись предъ гробомъ его и отъ души скажи ему: „честный отче Михаиле! прости меня грѣшнаго“. Тогда и Богъ проститъ васъ: „аще бо отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный“, сказалъ Іисусъ Христосъ (Матѣ. VI, 14).

Гряди же съ миромъ ко Господу, всечестный отче Михаиле! Пусть наши общія молитвы, вкупѣ съ Ангеломъ-Хранителемъ, будутъ путеводителями души твоей къ подножію небеснаго страшнаго престола Господа и славы Его.

Р Ъ Ч Ъ

о. Іоанна Быстрова предъ отпѣваніемъ 29 октября 1909 г.
священника Михаила Васильевича Попова.

Вѣчнымъ сномъ почилъ ты, дорогой нашъ братъ о Христѣ, незабвенный о. Михаилъ, —и почилъ не въ кругу своей семьи, а вдали отъ родины, на чужбинѣ... Услыхавши печальную вѣсть о постигшей тебя болѣзни и объ отъѣздѣ твоёмъ въ столицу для леченія, родные и знакомые надѣялись еще на благополучный исходъ болѣзни твоей; а послѣ счастливой операціи были даже увѣрены, что скоро ты возвратишься къ мѣсту служенія на свою родину. Но Богъ не судилъ исполниться нашимъ ожиданіямъ! Ты возвратился, но возвратился въ небесное свое отечество—въ обители небесныя, а на земную родину привезенъ тлѣнный, но священный для насъ прахъ твой, заключенный въ семь гробъ И вотъ мы собрались сюда въ такомъ множествѣ

пастырей и пасомыхъ не для радостнаго торжества, а воспѣть надгробныя пѣсни.

Окружая сей гробъ и взирая на него, кто изъ насъ, отцы и братіе, не подумаетъ, что рано надъ почившимъ исполненъ приговоръ Творца: „земля еси и въ землю отъидеши“? Не время еще умирать бы ему! Но не намъ, братіе, испытывать волю Божию о немъ. Не намъ смертнымъ дерзновенно вопрошать Безсмертнаго: почто такъ рано вземлешь животъ его отъ земли? Почто ногасиль сей свѣтильникъ, такъ ярко горѣвшій? Ни гласъ Святой Церкви, ни горестныя вопли родныхъ и знакомыхъ не въ силахъ разбудить заснувшаго смертнымъ сномъ пастыря.

Съ покорностію примемъ, братіе, сіе опредѣленіе Творца и, отдавая послѣдній долгъ усопшему, будемъ утѣшаться надеждою, что Господь удостоитъ его покоя вѣчнаго въ лонѣ праведныхъ. Правда, разлучаясь навсегда съ любимымъ человекомъ, трудно воздержаться отъ сѣтованія и печали. А эта разлука слишкомъ ужъ тяжела для всѣхъ насъ, особенно же для осиротѣлой семьи почившаго. Но должны ли мы безутѣшно скорбѣть? Должны мы были бы скорбѣть о покойномъ, еслибы были подобны язычникамъ, не имущимъ упованія, и еслибы неизвѣстна была намъ тайна смерти. Но Господь Своимъ крестомъ и воскресеніемъ сокрушилъ ту печать, подъ коей хранилась тайна будущей жизни, — и намъ дано видѣть сквозь сумракъ смерти невечерній свѣтъ вѣчно-блаженной жизни. Мы твердо знаемъ, что сей гробъ іерея Михаила есть только временное ложе для плоти его, которая, по гласу Архангела, возстанетъ въ новой силѣ въ день всеобщаго воскресенія.

Поэтому не скорби я ты, сѣтующая супруга! Господь послалъ тебѣ это испытаніе, — Онъ же подастъ и силы перенести его. Господь лишилъ тебя кормильца, — Онъ же будетъ твоимъ прибіжищемъ и покровомъ. „Возверзи на Господа печаль свою, — и Той тя препитаетъ“. Господь будетъ твоимъ заступникомъ, если въ Немъ Одномъ будешь искать утѣшенія въ постигшей скорби. Помни, что не столько слезы нужны покойному, сколько молитва и милостыня во имя его.

Помолимся же Господу Богу, отцы и братіе, да упокоитъ Онъ іерея Михаила въ селеніяхъ праведныхъ.

А ты, дорогой нашъ сродникъ, прости намъ всѣ прегрѣшенія и обиды, кои, по немощи своей, когда-либо причинили тебѣ. Иди съ миромъ къ Престолу Царя Небеснаго и помяни насъ тамъ, егда виидеши въ радость Господа твоего.

Р Ъ Ч Ъ

при гробѣ священника Михаила Васильевича Попова старшаго его сына Василия во время отпѣванія, послѣ перваго Евангелія (29 октября 1909 года).

Думали ли мы, дорогой родитель, тебя—всегда такого здороваго—видѣть бездыханнаго, лежащимъ во гробѣ? Думали ли мы, что ты еще такой молодой,—когда нужно бы жить, да жить,—умрешь, оставивъ жену и малолѣтнихъ дѣтей?...

Но да будетъ воля Божія!

Теперь же позволь исполнить предъ тобой послѣдній нашъ долгъ сыновней и глубокой признательности.

Мы видѣли въ тебѣ хорошаго и добраго отца, исполняющаго всѣ наши желанія; за это тебѣ глубокое спасибо. А если мы—по нашей юношеской легкомысленности—причиняли тебѣ огорченія—иногда даже и тяжелыя,—прости насъ и помолись о насъ, мы же непрестанно будемъ вспоминать тебя и молиться о тебѣ.

Молитесь и вы, православные христіане, о почившемъ нашемъ пастырѣ. Покойный родитель въ своемъ послѣднемъ письмѣ писалъ: „благословляю своихъ прихожанъ и прошу ихъ молиться о мнѣ грѣшномъ“. Чтобы быть ближе со своими прихожанами, покойный пожелалъ быть погребеннымъ въ родномъ ему Кобыльскѣ: „меня—говорилъ онъ—похороните въ Кобыльскѣ; тамъ каждый прихожанинъ, проходя мимо моей могилы, перекрестится, а здѣсь въ Петербургѣ скоро и могилу—то мою забудутъ“. Мы, не взирая ни на дальность разстоянія, ни на трудность пути и всѣ другія препятствія, исполнили твою послѣднюю—священную для насъ—волю, дорогой родитель

Исполните же, братіе, и вы его послѣднее желаніе: помолитесь о новопреставленномъ іереѣ Михаилѣ, чтобы Господь упокоилъ его, илѣже нѣсть болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Прощай же, дорогой родитель. и прости!

Р Ъ Ч Ь

при гробѣ священника Михаила Васильевича Попова его младшаго (второго) сына Николая во время отпѣванія, послѣ перваго Евангелія (29 октября 1909 г.).

Дорогой папа!

Хочется и мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ тебя засылетъ сырая земля, и ты на вѣки скроешься изъ глазъ.

Трудно мнѣ свыкнуться съ мыслию, что ты,—еще недавно здоровый и жизнерадостный,—умеръ. Но смотрю и вижу: лежишь ты во гробѣ—холодный, безмолвный и бездыханный. Ты умеръ, но только для моихъ глазъ, въ сердцѣ же моемъ ты будешь жить непрестанно, пока оно бьется. Какъ тяжело, какъ трудно лишаться въ такомъ еще раннемъ возрастѣ своего горячо любимого отца!

Любилъ я тебя, дорогой папа, люблю и буду любить! Да какъ было и не любить тебя, такого всегда до меня ласковаго и добраго?! Съ радостію и любовію я вспоминаю еще то недалекое время, когда ты былъ здоровъ и такъ любовно относился ко мнѣ. Добрый папа! Ты съ любовію помогалъ мнѣ матеріальною помощію и опытными совѣтами въ тяжелыя минуты моей жизни. Ты не забывалъ меня на дальней сторонѣ въ школѣ и частыми письмами справлялся о моемъ здоровьи и учении. Даже на смертномъ одрѣ ты много разъ справлялся о моемъ житѣи и спрашивалъ, всѣмъ ли я доволенъ и все ли имѣю нужное. Наконецъ, ты прощалъ мнѣ всѣ проступки и ласково убѣждалъ не повторять ихъ. Благодарю тебя, мой дорогой, незабвенный папа! Глубоко и горячо благодарю... Но не могу я теперь передать все то, чѣмъ полно мое благодарное тебѣ сердце. Скажу простое спасибо: пусть оно послужитъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ выраженіемъ моей благодарности. Прими же это послѣднее сыновнее слово!

...Однако ужъ близокъ моментъ, когда предъ тобою раскроется мрачная, зіяющая могила и поглотитъ навѣки.

Прощай же, дорогой папа, прощай навѣки!

Благослови меня теперь изъ твоего тѣснаго жилища родительскимъ благословеніемъ, благослови и окружающихъ тебя твоихъ малютокъ-сиротъ. Будь намъ молитвенникомъ и заступникомъ передъ Всевышнимъ! Я же непрестанно стану молиться о тебѣ усердною и горячею молитвой!

Прощай!!!

Р Ъ Ч Ь

помощника благочиннаго о. Николая Круглова при отпѣваніи священника Михаила Васильевича Попова, послѣ пятаго Евангелія (29 октября 1909 г.).

Братіе и сослуживцы, сродники, друзи, знаемые и всѣ присутствующіе!

Предъ нами гробъ, въ которомъ лежитъ бездыханное тѣло всѣми достоуважаемаго нашего о. Михаила, такъ рано и неожиданно во цвѣтѣ лѣтъ окончившаго свое земное поприще. Смерть, наложила печать молчанія на его уста, закрыла свѣтъ очей его и прекратила дѣятельность его добраго, сострадательнаго и любвеобильнаго сердца. Пройдетъ еще не много времени, и этотъ холодный трупъ приметъ въ свои объятія мрачная и сырая могила, оставивъ намъ объ умершемъ одно лишь воспоминаніе и сожалѣніе.

Не оправдалъ покойный нашихъ надеждъ, которыя мы всѣ на него возлагали. Судя по его лѣтамъ—40 годовъ, принимая во вниманіе его всегда крѣпкое здоровье, кто могъ думать, что онъ столь скоро и такъ для всѣхъ насъ внезапно сдѣлается жертвою смерти и изъ гроба будетъ звать къ намъ (погреб. священниковъ): „братіе мои всзлюбленныя, не забываете мя, егда поете Господу..., но молитесь Бога, да упокоитъ мя со праведными Господь“?

Не можемъ забыть тебя, нашъ дорогой собратъ, сослужитель алтаря Господня; не можемъ отказать тебѣ въ своихъ молитвахъ, которыхъ просишь сейчасъ, лежа во гробѣ, и просилъ еще при жизни въ своихъ бесѣдахъ съ нами. Для выраженія нашей любви, нашей признательности къ тебѣ, какъ собрату по службѣ, мы воздвигнемъ тебѣ невещественный памятникъ въ глубинѣ своего сердца и до конца своей жизни будемъ молиться Господу Иисусу, да упокоитъ Онъ тебя въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Къ вамъ, прихожане сего святаго храма, обращаю мое слово. Въ этомъ гробѣ спитъ сномъ смерти вашъ бывшій пастырь, вашъ отецъ духовный, который воздѣлалъ васъ слово Божіе,—слово жизни и спасенія,—въ семъ храмѣ и въ вашихъ домахъ, а предъ престоломъ Божіимъ воздѣлалъ свои руки, когда приносилъ безкровную жертву за васъ и ваше спасеніе. Теперь, окончивши земную жизнь, которую проходилъ въ трудахъ и за-

ботахъ по устройству своей духовной паствы, васъ, православныхъ обитателей сей Кобыльской веси,—онъ съ трепетомъ сей-часъ предстоить предъ престоломъ Праведнаго Судіи, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы отвѣчать ему не за себя только, но и за ваши души, ввѣренные его духовному водительству. Чѣмъ вы почитаете память вами всѣми любимаго пастыря духовнаго, нынѣ умершаго? Чѣмъ выразите ему свою благодарность за всѣ его заботы и труды относительно васъ, за заботы о благолѣшіи вашего храма Божія, заботы о насажденіи духовныхъ въ приходѣ разсадниковъ—школъ для вашихъ малолѣтнихъ дѣтей? Чѣмъ, наконецъ, постараетесь помочь ему въ его загробной жизни?

Молитвою, молитвою, други мои и его духовныя дѣти, молитвою постоянною и усердною о томъ, чтобы Премилосердый и Всеблагій Господь простилъ усопшему вольныя и невольныя его прегрѣшенія, отъ которыхъ, какъ и всякій человѣкъ, надѣленный немощами природы и разнаго рода недостатками, покойный былъ не свободенъ. Молитесь о томъ, чтобы Господь простилъ ему въ особенности прегрѣшенія, содѣянные имъ по долгу пастырства, и не поставилъ ему въ вину и преступленіе грѣхи чужіе, грѣхи, которые дѣлились вами, но дѣлались и совершались, быть можетъ, по его немощи. Молитвы это вашъ долгъ,—ваша прямая и священная обязанность относительно покойнаго о. Михаила, который для васъ и для устроенія вашего спасенія жертвовалъ своими силами, покоемъ, здоровьемъ всегда и во всякое время дня и ночи.

Смѣю обратиться и къ тебѣ мать-старица, скорбящая о родномъ старшемъ своемъ сынѣ, такъ неожиданно для тебя умершемъ. На склонѣ дней своего житія искала ты и думала обрѣсти въ немъ утѣху; думала и ждала, что онъ, какъ твоя радость и надежда, закроетъ старческія очи въ день кончины и проводить въ загробную жизнь, помолится на могилѣ твоей, какъ всегда дѣлалъ на прахѣ родителя своего. Съ этою цѣлью онъ занялъ мѣсто пастыря сей Кобыльской церкви и при прощаніи съ бывшею Моломскою паствой въ рѣчи выразился: „съ грустію разлучаюсь съ вами, будучи отзываемъ не матеріальными расчетами, не трудностію и многосложностію заботъ пастырскихъ, а единственно желаніемъ родителей своихъ—быть молитвенникомъ за своихъ предковъ“. Но Богъ, полагающій предѣлы жизни каждаго человѣка, судилъ иначе. Въ старости твоей, на склонѣ

жизни, Богъ послалъ тебѣ скорбь и печаль, но помните, Анна Никаноровна, матушка почтенная, слово Божіе: „кого любить Господь, того наказываетъ — и благоволяетъ къ тому, какъ отецъ къ сыну своему“ (Притч. III, 12). Посему и нужно нести этотъ крестъ съ терпѣніемъ и преданностію волѣ Божіей, которою все устроится къ нашему благу и спасенію.

Не могу не сказать хотя нѣсколько словъ и тебѣ, пораженная скорбію и печалію, осиротѣвшая супруга со своими малолѣтними крошками дѣтьми — сиротами. Вы всѣ въ настоящую минуту горько — горько скорбите и плачете! Большую и чувствительную потерю понесли дѣти, лишившись отца! Отца, кормильца и воспитателя! Отъ души, какъ самый близкій, какъ бы даже самый родной, сочувствую вашему великому горю; равно и всѣ предстоящіе здѣсь раздѣляютъ ваше горе и скорбь. Единственный для васъ утѣшитель — это Господь, пославшій это тяжкое и горестное испытаніе. Не малымъ утѣшеніемъ и отрадою для всѣхъ скорбящихъ и плачущихъ могутъ служить его всегдашнее благословеніе, слово утѣшенія въ скорбяхъ, въ особенности слова его въ послѣдніе дни прощанія съ нимъ при отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ. Вспоминайте его слова, какъ онъ во всѣхъ скорбяхъ совѣтовалъ прибѣгать къ молитвѣ, и не забывайте сего спасительнаго совѣта, а храните его какъ драгоценный бисеръ. Да будетъ молитва во всей вашей скорби всегдашнею спутницею! Помните и не забывайте, что отецъ для сиротъ есть Самъ Богъ: Онъ, Всеблагій, устроитъ все на пользу, ибо скорбь и радость отъ Него — все во спасеніе! Були милость Божія съ вами! — повторяю вамъ и я послѣднія слова и пожеланія почившаго супруга вашего при прощаніи.

Прости же, мой возлюбленный другъ и товарищъ, возлюбленный о Господѣ собратъ, сослужитель алтаря Господня! Прости и прости! Прими отъ меня грѣшнаго іерея и всѣхъ насъ предстоящихъ нашъ послѣдній прощальный привѣтъ. Иди и иди съ миромъ, упованіемъ и надеждою къ призванному тебя Пастыреначальнику Господу Іисусу Христу и, елико обрѣтешь у Него Праведнаго Мздовоздаятеля, дерзновение, молись за насъ недостойныхъ и грѣшныхъ собратій — служителей алтаря Господня, за своихъ близкихъ родныхъ, за свою семью, духовныхъ дѣтей, а мы съ своей стороны не забудемъ тебя въ своихъ молитвахъ и нашихъ добрыхъ о тебѣ воспоминаніяхъ. Прости и благослови насъ своимъ духомъ, коимъ, быть можетъ, нынѣ здѣсь присутствуешь при своемъ бренномъ тѣлѣ. Аминь.

Р Ъ Ч Ъ,

чителя Аванасія Фалалѣева, ск заанная 29 октября 1909 г. предъ опускаемъ въ могилу тѣла священника Василія Михайловича Попова.

Какъ тяжело, невыразимо тяжело поднять руку для того, чтобы бросить на прощаніе горсть земли въ могилу близкаго нашему сердцу о. Михаила! Трудно кѣрить, — да и сейчасъ еще не вѣрится, — что мы разстаемся на вѣки съ нашимъ отцомъ духовнымъ, съ незабвеннымъ о. Михаиломъ... Давно-ли, кажется, онъ былъ среди насъ, говорилъ съ нами, молился за насъ въ родномъ своемъ Кобыльскѣ... А сейчасъ?.. Смотрите, вотъ онъ лежитъ въ гробу холоднымъ, бездыханнымъ трупомъ. И не встать ему изъ него, не услышимъ уже мы его поученій...

Проливая слезы надъ прахомъ незабвеннаго о. Михаила, оживимъ въ нашемъ сознаніи нѣкоторыя черты изъ его жизни,

Какъ пастырѣ, о. Михаилъ былъ для своихъ прихожанъ истиннымъ отцомъ, всецѣло имъ преданнымъ. Вспомните: когда вы просили его посѣтить вашъ домъ для исправленія какой—нибудь требы ночью или въ печальное время, отказывался ли онъ? когда или, по крайней мѣрѣ, просилъ ли васъ хоть обождать?.. О, нѣтъ!.. Не смотря на печальную погоду, не смотря на холодъ и вьюгу, не смотря на дождь, зной и пыль, онъ днемъ и ночью спѣшилъ къ вамъ немедленно по первому зову...! Въ радости вы, — и онъ съ вами радуется; въ печали вы, — и онъ утѣшаетъ васъ; бѣденъ кто, и онъ поможетъ ему. А теперь?.. Къ кому обратимся мы съ просьбой о помощи? Кого попросимъ помочь намъ? Нѣмъ тотъ языкъ, который бесѣдовалъ съ нами и въ часы радости и въ минуты скорби! Замерло то дыханіе, которое дышало такою любовью къ намъ! Перестало биться сердце, столь радостно трепетавшее всецѣлою преданностію намъ, его духовнымъ дѣтямъ.

Такое огромное стеченіе народа показываетъ, что всѣ духовныя твои дѣти глубоко любили тебя, дорогой нашъ отецъ Михаилъ? Любили тебя и маленькія духовныя дѣти — ученики. Посмотри! Вотъ они пришли сюда для того, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на тебя, своего законоучителя. Я хорошо знаю, съ какою горячею любовью прислушивались они ко всякому твоимъ всегда добрымъ наставленіямъ! Какъ внимали каждому твоему слову! Въ продолженіе двухъ лѣтъ законоучительства во вѣрн-

номъ мнѣ Митенево—Горскомъ земскомъ училищѣ ты всегда посѣщаль уроки весьма исправно. Не задерживали тебя и рѣка Югъ и плохая дорога. Пѣшкомъ или на своей лошади ты снѣ-шилъ къ ученикамъ и усердно занимался съ ними... Все это по-казываетъ, что и ты любилъ дѣтей, любилъ заниматься съ ними

И зачѣмъ же, послѣ всего этого, ты оставилъ насъ!? Грустно, грустно намъ! Какъ сироты, мы остались теперь безъ тебя, незабвенный и любимый отецъ нашъ...

Но, видно, такъ угодно Богу... Онъ взялъ тебя отъ насъ, взялъ и отъ своей жены, матери, дѣтей и родныхъ. Смотри: вотъ стоитъ твоя рыдающая мать и оплакиваетъ такъ рано умершаго милаго сына... Вотъ жена твоя, а вотъ и дѣти твои скорбятъ объ утратѣ своего дорогого родителя.... А мы—то ждали тебя здоровымъ и бодрымъ, готовымъ для дѣла своего и дѣланія до поздняго вечера намъ въ помощь, назиданіе и спасеніе но не пришлось даже увидать тебя, ибо ты явился во гробъ безгласенъ и бездыханенъ...

Въ послѣдній разъ мы теперь смотримъ на тлѣнные останки дорогого намъ о. Михаила.. Тѣло твое умерло, но не умерла и не умретъ вмѣстѣ съ тобою наша искренняя и горячая любовь къ тебѣ... Долго, долго мы будемъ вспоминать о тебѣ и оплакивать тебя, какъ своего отца.

Прощай же дорогой, незабвенный нашъ о. Михаилъ! Прощай и прости!

Миръ праху твоему!

Скорбной памяти Кобыльскаго пастыря о. Михаила Васильевича Попова.

Взгляну я на сѣверъ Россіи великой:
На Югѣ-рѣкѣ есть Кобыльскій приходъ;
Тамъ жилъ нашъ священникъ смиренный и тихій
Отецъ Михаилъ сынъ Васильевъ Поповъ.

* *
*

Родился въ семьѣ онъ духовной.
Все въ томъ же Кобыльскѣ селѣ,
И выросъ онъ тихо и скромно,
Учился прилежно вездѣ.

* *
*

Достигнувъ же званья студента,
Въ Ильинскіе діаконы былъ посвященъ,
Но скоро на степень священства
На Молому былъ возведенъ.

* *
*

Былъ пастыремъ первымъ онъ въ новомъ приходѣ,
Трудился здѣсь ровно одиннадцать лѣтъ,
Оставилъ на добрую память въ народѣ
Онъ звона церковнаго звучный напѣвъ.

* *
*

По Божіей волѣ, въ Кобыльскій приходъ
На мѣсто родителя онъ перешелъ.
Священствовалъ скромно здѣсь восемь годовъ,
Какъ пастырь примѣрный онъ жизнь свою велъ.

* *
*

Кого сокрушала злодѣйка судьба,
Болѣзнь изнуряла... подняться нѣтъ силъ..
Ко всѣмъ тѣмъ на помощь стремился всегда
Добрѣйшій нашъ пастырь отецъ Михаилъ.

* *
*

Въ нуждѣ помогалъ онъ, въ тоскѣ утѣшалъ,
И въ храмѣ и дома — вездѣ наставлялъ,
Съ любовью и лаской дѣтей обучалъ,
На путь ко спасенью насъ всѣхъ призывалъ....

* *
*

И вдругъ насъ постигло великое горе:
Въ столицу поѣхалъ нашъ пастырь сольной
И вскорѣ, окончивъ житейское море,
На вѣки почилъ тамъ отецъ нашъ родной....

* *
*

Но вси Кобыльской не могъ олъ забыть,—
 Ей по смерти родимый былъ вѣренъ исполнѣ,—
 И тамъ заѣщаль олъ себя схоронить
 Чуть слышнымъ языкомъ на смертномъ одрѣ.

* *
 *

Исполнили дѣти завѣтъ тотъ священный,
 Трудъ и заботы въ путь долгій несли.
 Въ родное селеніе прахъ отца тлѣнный
 Съ великимъ почетомъ съ собой привезли.

* *
 *

Стояли у гроба, объятія горемъ,
 И мать, и супруга, и дѣти его,
 И чада духовныя—всѣ въ полномъ сборѣ
 Сошлись къ погребенью отца своего.

* *
 *

„Прощай, мой возлюбленный сынъ дорогой!..
 „Прощай, ненаглядный мой спутникъ земной!..
 „Прощай, нашъ родитель кормилецъ родной!..
 „Прощай, незабвенный нашъ пастырь святой!..

* *
 *

„Отъ насъ ты уходишь ко Господу славы,
 „Гдѣ свѣтитъ небесный божественный свѣтъ,
 „Гдѣ пѣтъ воздыханій, болѣзней, печали,
 „Гдѣ жизнь безконечная будетъ во вѣкъ.

* *
 *

„Молись же Творцу, ты отецъ нашъ любезный,
 „За старыхъ и малыхъ несчастныхъ сиротъ!..
 „Молись же Творцу, ты нашъ пастырь примѣрный,
 „За грѣшныхъ и темныхъ духовныхъ сыновъ!

* *
 *

„Да будетъ священна могила твоя, —
 „Съ молитвой стекаться мы будемъ сюда. . .
 „Да будетъ священна для насъ навсегда
 „Сокрывающая прахъ твой родная земля! ...

1-го декабря 1909 года.

Крестыянннвъ деревни Ключина Кобыльскаго
 прихода *Иванъ Михайловъ Петряшевъ*.

Примѣчаніе. Стихи эти присланы для напечатанія прихожаниномъ покойнаго Иваномъ Михайловичемъ Петряшевымъ, который является выразителемъ общихъ чувствъ, хотя наиболѣе былъ близокъ къ о. Михаилу по религиозно-умственнымъ интересамъ. Онъ жилъ доселѣ духовною жизнью своего пастыря и руководился совѣтами послѣдняго въ наблюденіи за находящеюся въ его домѣ земскою школой. Естественно, что эта потеря особенно тяжела для крестьянина Петряшева. Онъ пишетъ: „Худо мнѣ живется безъ о. Михаила! Нигдѣ нѣтъ для меня совѣта науки, не съ кѣмъ побѣдывать въ воскресный день и раздѣлить радость и горе... Съ поникшею головою прихожу я теперь на его могилку, долго плачу и вздыхаю ко Господу о утѣшеніи его кроткой души, а затѣмъ нахожу утѣшеніе въ чтеніи Св. Библии и духовныхъ книгъ, оставшихся отъ о. Михаила. Переносу я тяжелое горе, которое тяжелымъ камнемъ легло на меня, и со слезами молюсь данной мнѣ о. Михайломъ на память иконѣ Божіей Матери Взысканіе погибшихъ...“ Вотъ изъ какого источника выдѣлились настоящіе стихи, о которыхъ авторъ говорить, что „писалъ ихъ горячими слезами и жгучею кровью съ молитвою на устахъ за почившаго пастыря“ Кобыльскаго. — Оригиналъ былъ переработанъ совѣтникомъ Уральскаго Областнаго Правленія Александромъ Никаноровичемъ Глубоковскимъ, при чемъ сохранены лишь существенныя черты внутренняго настроенія и вѣшняго распорядка. Н. Г.

П а с т ы р ь д о б р ы й ¹⁾.

(Памяти свящ. М. В. Попова)

Русь святая и доннынъ не оскудѣла „добрыми“ пастырями, до самозабвенія преданными своему высокому христіанскому долгу. О многихъ изъ нихъ, занимающихъ болѣе или менѣе видныя посты, пишутъ въ газетахъ, въ особыхъ специальныхъ изданіяхъ, слѣдя за каждымъ шагомъ ихъ достойной подражанія дѣятельности. Таковъ былъ въ особенности незабвенный о. Іоаннъ Кронштадтскій, стяжавшій всемірную извѣстность своею пастырскою любовью къ человѣчеству. Но немало есть образцовыхъ пастырей и въ деревенской глуши, потихоньку трудящихся въ своемъ уголкѣ и неизвѣстныхъ широкой публикѣ.

¹⁾ Это статья первоначально была напечатана въ С.—Петербургскомъ журналѣ „Русскій Паломникъ“ № 49 за 5-е декабря 1909 года; тамъ же помещенъ при ней и портретъ о. Михаила вмѣстѣ съ его автографомъ.

(оглядываясь на прошлое, мною лично извѣданное, я могъ бы назвать много именъ, многихъ достойныхъ всякого уваженія сельскихъ священниковъ, уже умершихъ, напр., о. М. Соколова („второго“ о. Іоанна Кронштадтскаго въ Бѣлозерскѣ), о. В. Орнатскаго (пламеннаго „Ілію“ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ), о. В. Шоташева (неустрасимаго Христова исповѣдника въ глуши устюженскаго уѣзда, новгородской губ.), о. Д. Ловцова (живую, ходячую „правду“ въ Новгородѣ) и мн. др. А кто о нихъ знаетъ? Только немногіе близкіе, за нѣкоторыми развѣ исключеніями...

Къ ихъ сонму я причислю и недавно почившаго скромнѣйшаго сельского батюшку о. Михаила Васильевича Попова, священствовавшего въ отдаленномъ уголкѣ никольскаго уѣзда, вологодской губерніи, почти въ теченіе двадцати лѣтъ: сначала при Моломской церкви, а потомъ на своей родинѣ — въ Кобыльскомъ приходѣ. Чѣмъ же, въ частности, онъ обращалъ на себя вниманіе окружающихъ? И что побуждало и насъ говорить о немъ специально?

А то прежде всего, что въ его лицѣ мы имѣли выдающагося, талантливаго проповѣдника, умѣяшаго покорить своимъ огненнымъ пастырскимъ словомъ слушающую его паству. Этотъ талантъ его проявился еще на школьной скамьѣ, когда о. Михаилъ учился въ вологодской духовной семинаріи (окончилъ ее въ 1889 г., двадцати лѣтъ отъ роду), о чемъ и донимѣ вспоминаютъ его товарищи, разсѣянные по обширному вологодскому краю, и другія лица, его знавшія. Но въ особенности проповѣдническій талантъ почившаго разцвѣлъ во время его продолжительной пастырской дѣятельности. О. Михаилъ говорилъ проповѣди, велъ бесѣды, поучалъ рѣшительно за каждой литургіей, не прибѣгая къ помощи тетрадки и говоря въ высшей степени доступно и близко сердцу своей паствы, интересы, заботы, невзгоды, радости которой ему были слишкомъ извѣстны... И любили же его за эти проповѣди! Особенно это проявилось при его погребеніи, высоко-трогательномъ и поучительномъ...

То, далѣе, выдвигало о. Михаила, что онъ былъ преданъ своему тяжелому долгу до самопожертвованія. Не бывало случая, чтобы онъ отказался ѣхать по первому же требованію прихожанъ немедленно, въ какое угодно время дня или ночи, — ѣхать самъ больной, иногда еле передвигавшій ноги. Рискуя простудиться, иногда съ опасностью еще болѣе горшею, онъ моментально спѣшилъ на зовъ, забывая обо всемъ остальномъ и помня лишь

о своемъ долѣ. И за это очень любили его всѣ, кто его зналъ...

На Моломѣ ему—„первому“ настоятелю—приходилось создавать новый приходъ, и онъ создалъ его, полюбилъ и, если тѣмъ ушелъ, то лишь повинаясь сыновнему долгу, призвавшему его въ Кобыльскъ—на родину.

Неусыпная энергія, непреклонная пастырская твердость, неподкупная честность сопровождали его всюду, и съ этими своими рѣдыми качествами онъ творилъ воистину чудеса, оживляя всякое дѣло, къ какому бы ни прикоснулся...

Тѣмъ еще выделялся о. Михаилъ Васильевичъ, что самоотверженно ревновалъ о духовно-школьномъ просвѣщеніи своей паствы, съ неослабной энергіей заботясь о надлежащей постановкѣ, о надлежащей организаціи церковно-школьнаго дѣла, для чего самъ, не стѣсняясь разстояніемъ, не боясь завязнуть въ болотѣ въ осеннее и въ весеннее время, отказываясь отъ необходимаго частаго отдыха, устремлялся въ школы при первой же возможности. Школяры видѣли его любовь, чуяли своими нетропугими дѣтскими сердцами... и отвѣчали батюшкѣ тѣмъ же. Эта любовь не угасала въ подростающемъ поколѣніи и послѣ, дѣлая постепенно изъ Кобыльского, а раньше Моломскаго, прихода единую семью...

Нужно ли еще прибавлять что-либо къ сказанному? Развѣ отягченные черты о. Михаила не дѣлали его пастыремъ образцовымъ, не искавшимъ своего, жившимъ только интересами своей паствы?..

И вотъ такой-то пастырь, на котораго всѣ возлагали еще очень и очень много надеждъ (вѣдь ему исполнилось только 40 лѣтъ!), скончался. Его больного, которому давно уже нужно было лечиться, но который и не думалъ о леченіи, продолжая самоотверженно свое пастырское служеніе,—чуть не насильно привезли родные въ Петербургъ, надѣясь, что здѣшняя медицина возвратитъ ему здоровье, силы, столь нужныя для его паствы. И вначалѣ надежды на выздоровленіе были, но потомъ... потомъ болѣзнь стала прогрессировать все больше и больше, и о. Михаилъ скончался 20-го октября, на рукахъ своихъ сыновей, пріѣхавшихъ къ нему изъ Вологды, на рукахъ своего брата-столничнаго священника, на рукахъ своего родственника проф. Н. Н. Улубоковскаго, исчерпавшаго всѣ средства для спасенія умирающаго и всячески облегчавшаго послѣдніе его дни, на рукахъ

своихъ знакомыхъ, глубоко полюбившихъ этого истиннаго христiанина, твердо и безбоязненно встрѣчавшаго смерть и утѣшавшаго другихъ, просившаго лишь объ одномъ — чтобы его прахъ былъ отвезенъ туда, въ далекій Кобыльскъ, гдѣ сосредоточена была вся его любовь, гдѣ жила его обширная и преданная ему пастырская семья, съ которою онъ не хотѣлъ разставаться и по смерти. .

Его завѣтъ былъ свято выполненъ. Прахъ былъ перевезенъ на родину, и здѣсь его такъ торжественно встрѣтили, какъ могутъ дѣлать это только непосредственныя провинціальныя натуры, строго, во всей чистотѣ блюдуція Христова ученіе... Воистину дѣти встрѣчали прахъ нѣжно любимаго и дорогаго отца!..

Да почиваетъ на Авраамовомъ лонѣ „добрый“ пастырь, и да служить онъ долгіе-долгіе годы живымъ образцомъ для осиротѣвшей его паствы! О „такихъ“ пастыряхъ да узнаютъ и отдаленные концы нашего обширнаго отечества! Пусть всюду ему подражаютъ и о немъ помолятся Всевышнему!

Ординарный профессоръ СПБ. Дух. Академіи

Александръ Александровичъ Бронзовъ.

Автобіографія о. М. В. Попова ¹⁾.

Моя біографія.

Я родился въ селѣ Кобыльскомъ — при Ильинской церкви въ 1869 году генваря 7-го дня, крещенъ 9-го, а именинникъ 11-го числа того же мѣсяца. Имя мое — Михаилъ — наречено въ честь Михаила Клопскаго. Крещенъ я Священникомъ Енагской-Воскресенской ц. Философомъ Ржаницынымъ²⁾, который также былъ и моимъ крестнымъ отцомъ. (Моего крестнаго отца нѣтъ уже 5 лѣтъ въ живыхъ.) Крестная мать моя — Ольга Григорьевна Копоцова — жена прежняго Діакона Кичменгской Преображенской церкви, а нынѣ Священника Енагской Николаевской ц. Николая Θεодо-

1) Это есть сочиненіе, писанное о. М. В. Поповымъ по рус кому языку въ 4-мъ классѣ Никольскаго училища тогдашнему выдающемуся преподавателю Ивану Степановичу Кубасову, который былъ учителемъ даже его отца и скончался 5 апрѣля 1909 г. въ Никольскѣ священникомъ Александромъ-Невской домовою училищной церкви, (см. о немъ „Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1909 г., № 10, стр. 202—215). На верху тетрадки помѣчено рукою юнаго автора: „Михаилъ Поповъ, 4-й классъ. Генваря 19-го дня 1883 г.“; въ концѣ революція: „5. Чит. Учит. Кубасовъ. — Н. Г.“

2) Отецъ свояка почившему о. Виктору Ржаницыну, жепатаго на его сестрѣ Александрѣ. — Н. Г.

ровича Копосова³⁾. Отецъ мой Священникъ Василій Поповъ, сынъ умершаго пономаря той же Кобыльской Ильинской ц. Михаила Леонтіева Попова. Онъ имѣетъ теперь 38 лѣтъ отъ роду. Замѣчательно, что при той же церкви служилъ дѣдъ моего отца Священникомъ, а прадѣдъ Діакономъ. Далѣе родословная наша не извѣстна. Матѣ моя—дочь умершаго Священника Кичменгской Преображенской ц. Никанора Глубоковскаго, Анна, имѣетъ 37 лѣтъ. Братевъ у меня два и сестеръ тоже. Первые: Николай, учится въ Никольскѣ, и Константинъ, имѣетъ отъ роду 7 лѣтъ. Вторые: Александра, учится въ Никольской прогимназіи, и Марія имѣетъ отъ роду 6 лѣтъ. Родственниковъ у меня,—какъ живыхъ, такъ и умершихъ,—очень много. По словамъ матери, я до 3-хъ лѣтъ всё спалъ въ чепенкахъ. Когда я сталъ ходить, тогда со мною случилось слѣдующее обстоятельство, послѣ котораго я сталъ заикаться: у нашего приходскаго Діакона Поддьякова была вороная лошадь, которая, когда я къ ней подошелъ, когда она шла сѣно,—схватила и трясла меня до тѣхъ поръ, пока изъ зубовъ ея не освободила меня работница Діакона Агриппина. Заикался я до 7 лѣтъ. Во время моей жизни дома самымъ любимымъ для меня занятіемъ было уженье рыбы и купанье. У меня былъ другъ, сынъ нашего Діакона Николая Волокитина⁴⁾, вѣстѣ съ которымъ я и удилъ. За уженьемъ мы просиживали даже по цѣлому дню. Сколько у насъ было радостей, когда мы выуживали порядочную рыбку, и напротивъ, сколько было скорби, когда мы не выуживали. Однажды весною,—помню,—я выудилъ 2-хъ большихъ головней, которые едва меня не стащили въ воду. Дважды я находился на краю пропасти, и именно весною. Вотъ какъ это было: однажды весною, когда у насъ было молебствіе, я поѣхалъ черезъ рѣку Югъ и, тянувшись по канату, повисъ на немъ надъ водою. Между тѣмъ плоть отѣхалъ отъ меня на довольно порядочное разстояніе, а я все продолжаю висѣть надъ водою; еще минута,—тогда бы я упалъ въ воду и...⁵⁾, но меня спасли подѣхавшіе въ лодкѣ. Другое обстоятельство: также весною я сталъ перебираться черезъ огородъ, сдѣланный черезъ рѣчку, и упалъ

³⁾ Сынъ и преемникъ его по приходу священникъ Алексій Копосовъ напутствовалъ почившаго о. Михаила вышесомѣщеннымъ словомъ—П. Г.

⁴⁾ Алексія Петровича: скончался 6 апрѣля 1876 года—П. Г.

⁵⁾ Алексій Николаевичъ, нынѣ тоже діаконъ въ Кобыльскомъ приходѣ—П. Г.

⁶⁾ Въ подлинникѣ точки.—П. Г.

въ воду, но, къ счастью, близко къ берегу, за который я уцѣпился руками и чрезъ это спасся. Послѣ этого обстоятельства я былъ боленъ въ лихорадкѣ 3 недѣли. Дѣтомъ я любилъ ходить за ягодами и грибами. Любилъ я, когда жилъ дома ѣздить на лошадахъ, и однажды, когда я ѣхалъ во весь опоръ, я слетѣлъ съ лошади, прямо къ ней подъ ноги, но лошадь на меня не наступила, а остановилась недвижимою, и я опять таки миновалъ опасности. Послѣ этого я долго не ѣздилъ на лошадахъ, но когда забылъ приключившееся, то опять сталъ ѣздить. Имѣя отъ роду 7 лѣтъ, я ѣздилъ въ Соловецкій монастырь и былъ записанъ въ свою приходскую школу, гдѣ и учился до 9 лѣтъ, а потомъ, когда мнѣ исполнилось 9 лѣтъ, я былъ увезенъ въ городъ Никольскъ и поступилъ въ число учениковъ приготовительнаго класса. Сначала я былъ поставленъ на квартиру къ Марѣ Ивановнѣ Поддьяковой, гдѣ и жилъ 2 года, а потомъ перешелъ на другую квартиру. Въ первый разъ обживаться было тоскливо. Рождества-то Христова дожидаясь, какъ Христова дня... Поступилъ я въ училище въ 1878 году. Учусь 5-й годъ. Въ настоящее время я въ 4-мъ классѣ. Изъ каждаго класса переходилъ безостановочно. Боленъ не былъ въ продолженіе 4 лѣтъ и не пропустилъ ни одного урока.

Р Ъ Ч Ъ

священника Михаила Васильевича Попова, сказанная изустно 5 августа 1905 г. (пятница) при отпѣваніи его оодителя іерея Василія Михайловича Попова.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

*Со святыми упокой, Христе, душу
раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни
печаль, ни воздыханіе, но жизнь безко-
нечная.*

Дорогой родитель!

19 февраля 1902 года съ честію и славою провожали мы тебя съ сего священнаго мѣста въ твой благоуукрашенный домъ по случаю 35 — лѣтнаго твоего достославнаго служенія церкви Божіей въ селѣ приходѣ. Не много болѣе 3-хъ лѣтъ прошло съ того достопамятнаго времени, — и вотъ теперь я, какъ старшій сынъ и намѣстникъ твой по приходу, долженъ по необходимости

напутствовать тебя со слезами при христіанскомъ отходѣ въ будущую загробную жизнь. Да, папаша, пришло время послѣдняго цѣлованія съ тобою въ здѣшнемъ мірѣ.

Я не Теофанъ Прокоповичъ, а ты не Петръ Великій: — потому не долженъ и не хочу восхвалять дѣлъ твоихъ человѣческихъ; тѣмъ не менѣе заслуги твои здѣшнему Кобыльскому приходу важны и значительны. По долгу справедливости и совѣсти нельзя не сказать, что въ теченіе 35 — лѣтняго своего достославнаго служенія родному Кобыльскому приходу ты много сдѣлалъ для улучшенія умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго быта его. Ты, дорогой родитель, по свидѣтельству приходской лѣтописи и знающихъ тебя, расширилъ свой приходскій храмъ и благоукрасилъ его почти безъ всякихъ средствъ; благолѣпіе здѣшняго храма громко говоритъ о твоихъ трудахъ и заботахъ о немъ. Ты обновилъ приходъ свой матеріально и духовно, заставилъ его усиленно стремиться къ нравственному усовершенствованію и спасенію

Къ тебѣ рѣчь моя, рѣчь послѣдняя, дорогой отецъ, и послѣднее прости. Благодарю тебя за то воспитаніе, которое далъ ты мнѣ; благодарю за тѣ добрыя наставленія, которыя преподавалъ ты мнѣ при концѣ своей жизни.

Удивляюсь твоему терпѣнію, съ какимъ ты переносилъ свою мѣсячную болѣзнь безъ единого стона, жалобы и упрека. Твоя христіанская кончина, — какъ и житіе твое, — да послужитъ для всѣхъ насъ образцомъ и для нашей неизбѣжной кончины, ибо смерть есть удѣлъ всѣхъ и cadaго изъ насъ. Почившій отецъ мой при смерти своей простилъ всѣмъ и каждому не только обиды духовныя, но и всѣ матеріальныя долги¹⁾, а самъ просилъ однѣхъ только молитвъ за себя предъ Богомъ у всѣхъ и cadaго. Посему и я по завѣщанію почившаго, прошу всѣхъ васъ, братія и сестры, и молю: — непрестанно молитесь Христу Богу о усопшемъ іерее Василіѣ съ записью его въ свои поминальныя книжки, да упокоитъ Господь добрую душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, злачнѣ и покойнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная.

¹⁾ О. Василій Михайловичъ Поповъ предъ своею смертію заповѣдалъ роднымъ не взыскивать и даже не спрашивать долговъ, когорые остались не уплаченными, а они составляли весьма изрядную сумму. Такъ же поступилъ и его сынъ о. Михаилъ. Въ духовномъ завѣщаніи послѣдняго отъ 29 августа 1909 года пунктъ 6-й гласитъ: „Долгу на мнѣ и на моемъ имуществѣ нѣтъ никому. Я имѣю за людьми по разнымъ обязательствамъ и на честное слово до 1000 рублей, но все это прощаю, прося лишь помолиться о моей грѣшной душѣ“. — П. Г.

Отъ имени всего Кобыльскаго прихода приношу тебѣ, отецъ родной, послѣднее земное поклоненіе со словами: „прощай на вѣки, прости и благослови и помолись за насъ грѣшниковъ! Помни, что молитва наша за тебя будетъ непрестанною, а память твоя вѣчною съ исполненіемъ завѣщанія твоего—хранить и поддержать родную мать нашу!“

Твой любящій сынъ и преемникъ Кобыльской Ильинской церкви священникъ *Мих. В. Поповъ*.

5 августа 1905 года.

Р Ѣ Ч Ъ

священника Михаила Васильевича Попова, сказанная изустно 3 августа 1906 года, среда, на могилѣ его отца, іерея Василія въ первую годовщину его смерти.

Мнѣ никогда не приходилось проповѣдывать надъ могилой, но я всегда сознавалъ, что лучшая проповѣдь у могилы—это самая могила, а конечная цѣль всякой проповѣди—назиданіе. О чемъ же,—поэтому,—говорить и чему поучаетъ насъ сія дорогая могила, вокругъ которой все мы—и, сродницы и знаменіи, и ближніи и дальніи—собрались, надѣюсь, во имя христіанской любви къ почившему?

Прежде всего могила эта напоминаетъ намъ о смерти, какъ неизбежномъ слѣдствіи грѣхопаденія нашихъ прародителей, по правосудію Божію. Никто не думалъ, что, при крѣпости силъ тѣлесныхъ и бодрости духа, почившій годъ тому назадъ іерей Василій такъ скоро отойдетъ въ вѣчность; не только ближайшіе родственники и знакомые не ожидали его смерти, но и самъ почившій не хотѣлъ умирать, что доказывается обстоятельствами до и послѣ его смерти. Если же смерть, какъ временное разлученіе души отъ тѣла, есть неизбежный удѣлъ всѣхъ и cadaго, то память смертная, о которой говоритъ Премудрый (І. Сир. XII, 1), должна составлять первую и самую главную заботу всѣхъ и cadaго. *Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (І. Сир. VII, 39). Недаромъ святой Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что память смертная столь же необходима человѣку, какъ необходимъ хлѣбъ, — и какъ безъ хлѣба нельзя жить, такъ и безъ памяти смертной невозможно управлять жизнь свою. Безъ хлѣба человѣкъ слабѣетъ тѣлесно, безъ памяти смертной—духовно. У кого есть хлѣбъ, тотъ съ голоду не умираетъ,—

и кто имѣетъ память смертную, тотъ не согрѣшаетъ смертно. Пусть же память смертная и спитъ и встаетъ вмѣстѣ съ нами!

Память смертная, воздерживая насъ отъ грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ намъ и о томъ, что нужно быть готовыми къ смерти всегда и что послѣ смерти вѣтъ покаянія и исправленія, а только судъ нелицепріятный. По своему безконечному милосердію, Господь Богъ далъ средство облегчить участь усопшихъ посредствомъ молитвъ и благоговѣній въ память ихъ. Вѣримъ, твердо вѣримъ, что усердныя молитвы наши, растворяемыя слезами любви, могутъ содѣйствовать улучшенію участи почившаго и заглаженію его прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Сверхъ того, молитвы смягчаютъ нашу скорбь по усопшемъ и заставляютъ съ христіанскимъ упованіемъ взирать на будущую загробную жизнь.

Сни же, дорогой родитель, добрый пастырь и прекрасный человѣкъ, крѣпкимъ сномъ праведника до радостнаго утра, когда всѣ мы снова встрѣтимся съ тобою въ иномъ мірѣ! Вѣрь, что мы, пока живы, не прекратимъ молитвеннаго общенія съ тобою и непрестанно будемъ взывать ко Господу: „упокой, Боже, душу усопшаго раба и вѣрнаго служителя іерея Василія въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злочиѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣ нѣтъ болѣзней, печалей и воздыханій“.

Какъ старшій сынъ почившаго и представитель рода Поповыхъ, земно кланяюсь дорогой могилѣ и ною усопшему вѣчную память. Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Страницы.
1) О. Михайлъ Васильевичъ Поповъ. Некрологъ профессора <i>Н. Н. Глубоковского</i>	1
2) Рѣчи и слова (о. <i>В. Ф. Ржаницына</i> , о. <i>А. Н. Копосова</i> , о. <i>І. М. Быстрова</i> , <i>В. М.</i> <i>и Н. М. Поповыхъ</i> , о. <i>Н. М. Круглова</i> , <i>А. І.</i> <i>Фалалѣева</i>) при встрѣчѣ, отпѣваніи и погребеніи свя- щенника <i>М. В. Попова</i>	27
3) Скорбной памяти Кобыльскаго пастыря и па- мяти о. <i>М. В. Попова</i> . Стихотворенія <i>И. М. Петряшева</i>	44
4) Пастырь добрый. Памяти свящ. <i>М. В. Попова</i> . Профессора <i>А. А. Бронзова</i>	47
5) Автобіографія о. <i>М. В. Попова</i>	50
6) Рѣчь о. <i>Михаила Вас. Попова</i> при отпѣваніи его родителя, свящ. <i>Вас. Мих. Попова</i>	50
7) Рѣчь о. <i>Михаила Вас. Попова</i> на могилѣ его родителя свящ. <i>Вас. Мих. Попова</i> въ первую го- довщину по смерти послѣдняго	52